

VASIL4ENKO & SMEKLOF

18+

Пайны Купеллена 2

Дело о благих намерениях

Смеклоф

**Тайны Кипеллена. Дело
о благих намерениях**

«Автор»

2021

Смеклоф

Тайны Кипеллена. Дело о благих намерениях / Смеклоф —
«Автор», 2021

Тяжела участь свежеиспеченного капитана Ночной стражи славного города Кипеллена - ни сна, ни отдыха. Дерзкое ограбление ставит все с ног на голову, старый друг преподносит сюрпризы, а вроде бы завершённое дело не даёт покоя. А тут ещё неугомонная боевая подруга умудрилась ввязаться в неприятности. И ох как хочется переложить решение проблем на чужие плечи, да нельзя. Ну да ничего, где наша не пропадала!

© Смеклоф, 2021

© Автор, 2021

Содержание

Глава первая, в которой спокойной жизни приходит конец	5
Из записок Бальтазара Вилька, капитана Ночной Стражи	5
Из рассказа Аланы де Керси, хозяйки книжной лавки «У моста»	14
Глава вторая, в которой начинает происходить нечто странное	20
Из записок Бальтазара Вилька, капитана Ночной Стражи	20
Из рассказа Аланы де Керси, хозяйки книжной лавки «У моста»	23
Из записок Бальтазара Вилька, капитана Ночной Стражи	26
Из записок Бальтазара Вилька, капитана Ночной стражи	33
Из записок Бальтазара Вилька, капитана Ночной стражи	38
Из рассказа Аланы де Керси, хозяйки книжной лавки «У моста»	41
Глава третья, в которой мы узнаем кое-что о волшебных портретах	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Сmekлоф, Ольга Васильченко

Тайны Кипеллена. Дело о благих намерениях

Глава первая, в которой спокойной жизни приходит конец

Из записок Бальтазара Вилька, капитана Ночной Стражи

Не так давно я сетовал, что осень – паршивое время года. Так вот, панове, это ложь. Нет ничего хуже тягучей сырой приморской зимы, которая и в городе-то мерзкая до крайности, а уж на море и подавно.

И плавать по такой поре ещё противнее, чем ходить! Кто-то может поспорить, мол, шевелить ногами тяжелее – вязкий рыхлый снег и корявый лёд то ещё удовольствие, но пусть этому кому-то сначала подерёт ногу бешеный топляк, а уж потом мы вернёмся к вопросу основательно.

Благодаря Аланиному перстню я теперь могу вдоволь напиться лечебных снадобий и передвигаться без трости, но проклятая качка всё равно берedit старые раны и заставляет устало стискивать зубы. Да и старинный Зодчек, вылезающий из прибрежного тумана, не вызывает приятных воспоминаний. Разве что ностальгическую улыбку по развешивающимся над оживлённой улицей панталонам моей живописки. Лучику света в тёмном царстве беспросветной жизни, которая стала немного светлее.

– Прибываем! Готовьтесь, панове! Вещички свои не забывайте! – разнёсся над палубой гулкий бас капитана, эхом расплескавшийся по морской глади.

– Порадуюсь, когда буду отбывать, – ворчливо буркнул я под нос.

Чайка спикировала за рыбой, чуть не задев мою голову. Дурной знак, когда «морской разбойник» вылетает у тебя из-за спины перед важным делом. После такого, святошусинские рыбаки обычно разворачивают судёнышки и убирают снасти – всё равно ничего путного ждать уже не приходится.

Да я и не ждал. Даже отсюда было видно чёрно-белый дилижанс Ночной стражи. Обычно в таких перевозят преступников, чтобы не пугали уголовным видом добропорядочных граждан Растии. Видимо, светить моей рожей перед зодчекскими обывателями Люсинда тоже не хотела.

С тех пор как она заняла капитанское кресло в Зодчеке, наши и без того не слишком тёплые отношения окончательно разладились. Проклятая она, что ли, эта должность? С прежним капитаном, Эдегеем, тоже ведь работа не складывалась. Надо проверить при случае, может, и впрямь темные чары.

Не успел ступить на пристань, а ко мне уже подскочил нервный бледный стражник.

– Пан Вильк, пан Вильк, нам надо спешить!

– И вам доброго дня! – недовольно буркнул я, стукнув тростью по дощатому настилу.

– Да, да, – он попытался ухватить меня за локоть, как, наверное, хватал попавших в его лапы злодеев, но вовремя одумался и отдёргнул затянутые в перчатки руки. – Панна капитанша очень занята. У неё на вас всего десять минут. У нас тут такое творится... Надо спешить!

Я заковылял к дилижансу, решив, что высказывать своё недовольство рядовому стражнику – дело недостойное. В конце концов, лучше накопить побольше яду и плюнуть им в

Люсинду. Сегодня была моя очередь выполнять древние традиции Ночной стражи. «Молодые» капитаны обязаны поддерживать друг друга, всячески помогать и делиться опытом. О выполнении никому не нужных условностей мы договорились ещё месяц назад, и отводить на них всего лишь десять минут как минимум невежливо. Хотя у полутроллей свои правила этикета, людям с наскоку не разобратся.

Стражник чуть ли не бегал вокруг, пытаясь ускорить своей бестолковой суетой мой неторопливый шаг, а когда попытался запихать меня в дилижанс, пришлось предупредительно щёлкнуть перед его носом пальцами и вызвать иллюзорное пламя. Всё-таки хоть какую-то субординацию надо соблюдать. По его бледному лицу рассыпались сияющие искры, и он отскочил, задёрнув головой.

– На козлах, на козлах поеду! – замахал руками мой недолгий сопровождающий.

Его мундир скрылся за фургоном, и я облегчённо выдохнул. И так слишком устал в последнее время, чтобы всю дорогу до Управления Ночной стражи подсакивать от его лихорадочных выкриков и неуместной суеты. Капитанская служба выпивала все соки. Да стоит ли жаловаться, когда сам выбрал такую работу? Пусть и хотелось иногда лечь и проспать сутки напролет.

Улицы Зодчека неуловимо изменились. Будто после переезда Люсинды город обтрoллился: набрал мрачной болотной зелени, уныния и безнадёжности. За решётчатым окном дилижанса проплывали хмурые тени закутанных в тёплую одежду прохожих, слышались выкрики мальчишек-газетчиков, от которых долетали только обрывки заголовков:

– Алхимики всё сильнее прижимают купцов!

– Место магистра алхимической гильдии по-прежнему пустоет!

– Найдено Белое зелье¹!

Последняя фраза заставила вздрогнуть. Будто снова спустился в заваленные мумифицированными трупами тайные подземелья Кипелленского музея. Слухи, конечно, ещё долго будут будоражить умы мошенников и фантазёров, но лучше взять на карандаш и пообщаться с тем бульварным писакой с глазу на глаз. Мало ли где он раздобыл сведения о Белом зелье. В таком деле лучше перестраховаться.

Подкатив к площади перед зодчекским Управлением Ночной стражи, дилижанс нервно задёргался и увяз в толпе.

– Пешком надо идти. Не успеем! – донёсся сквозь нарастающий гомон дрожащий голос нервного стражника.

Спорить было не с руки, да и сидеть за решётчатым окном дольше необходимого не хотелось. Лучше уж размять всё ещё ноющую после путешествия на баркасе ногу. Распахнув дверцу, я вылез на брусчатку и замер. Казалось, на площади собрались все жители Зодчека. Их глаза горели праведным огнём, а разгибающиеся в такт выкрикам руки побелели от напряжения.

– Долой произвол! Бессмертие для всех!

– Что происходит? – зашипел я, поймав нервного стражника.

– Они рехнулись, рехнулись! С утра ходили по улицам, а теперь вот добрались до площади!

– И чего хотят?

Говорить приходилось в самое ухо, иначе шум толпы перекрывал все звуки.

– Зелье какое-то...

Стражник задёргался сильнее прежнего, но я лишь сжал пальцы. Когда-то давным-давно в Кипеллене довелось видеть такое же помешательство. Один обозлённый алхимик, у кото-

¹ Белое зелье – алхимическая субстанция, дарующая бессмертие, усиливающая и закрепляющая действие магии и вообще страшно полезная штука (ключевое слово «страшно»). (из рабочего дневника Бальтазара Вилька)

рого студент-живописец увёл девчонку, подсыпал на кухню булочной, стоявшей у стен Школы, повторай-порошок. Свежей выпечкой отравились не только учащиеся, но и половина преподавателей. Лопать местные булочки любили все без исключения. Правда, в тот раз за пристрастие к сладкому им пришлось расплачиваться не только монетами и круглыми животами. Бедняги бегали как чумные и выкрикивали, что хотят стать птицами и улететь в тёплые края. С такими же совершенно безумными глазами и желтушными пятнами, покрывшими лоб и щеки. А хуже всего было то, что распространялась эта дрянь как чума: один под действием зелья поднял крик, а сто других подхватили. И кто из этой толпы травленный, а кто просто дурак, ещё поди разбери.

Я присмотрелся к ближайшему молодчику, который так тряс рукой, что она уже должна была оторваться. Один в один. Те же гримасы, пожелтевшая морда и рваные, дёрганные движения.

– К чёрному ходу, быстро, – прорычал я, и подтолкнул нервного стражника в спину.

Мы обогнули обезумевшую толпу, продолжавшую требовать чудесного зелья, и заскочили в тёмный тупик позади управления. Пришлось долго стучать в тяжёлую железную дверь, прежде чем в открывшемся окошке показалось заспанное лицо часового.

– Что за шум, всех Пресветлых поразбудили, – недовольно промычал он, отпирая засов.

– На посту дрыхнешь! – рявкнул я и, оттолкнув его в сторону, бросился вперёд по коридору, сунув трость подмышку.

Нервный стражник едва за мной поспевал. Иногда, правда, приходилось останавливаться, чтобы спросить его, в какую сторону поворачивать.

Управление больше напоминало разворошённый улей. Служащие бегали туда-сюда безо всякого смысла и передавали друг другу нелепые слухи о штурме и погромах.

– Развели бардак, – заскрежетал зубами я и чуть не налетел на Люсинду.

Капитан Бряк зыркнула на меня своими водянистыми серыми глазищами и поморщилась.

– Явился, не замók, не запылится!

– У вас же там куць его знает что! Почему вы ничего не делаете?! – Хотелось встряхнуть её за богатырские, совсем не женские плечи, но я сдержался. – Надо оцепить площадь, пока отравленные вновь не разбрелись по городу.

– Вот только вашего мудрого совета мне и не хватало, капитан Вильк.

Её и без того большая голова как будто надулась. Даже кожа потемнела. Ещё пару мгновений – и пар из ушей пойдёт. Пришлось подготовить подходящее заклятье, чтобы нейтрализовать её опасную самоуверенность, но она отступила в сторону и распахнула дверь кабинета.

– Посидите пока внутри. И не дай пресветлым богиням вмешаться. Посажу под замок...

– Капитана Ночной стражи?

– Здесь вам не Кипеллен! Здесь Зодчек! И командуете тут не вы! – Она отчеканивала каждое слово, будто пыталась забить дверь кабинета гвоздями и заколотить меня внутри.

Оставалось только гордо задрать подбородок и самоуверенно подчиниться. Традиции соблюдены, чем мог, тем поделился. А устраивать разборки при подчинённых дело недостойное. Иногда забываю, что проблемы могут решиться сами по себе, без моего участия. В конце концов, у Зодчека есть свой... своя капитанша, пусть она и разбирается, а мне пора воспользоваться освобождением от дара припомя и спокойно попить водички. А то во рту пересохло. Никак не привыкну, что могу жить как нормальный человек.

Под аккомпанемент командирских выкриков Люсинды я налил себе воды из стоящей на подносе хрустальной бутылки и задумчиво опустился в кресло. Привычно покрутил зачарованный перстень. Главное в этой поездке – выбрать подарок для Аланы. Моя жизнь изменилась, и напоминать себе об этом, а заодно хоть на пару минут забывать о давящей ответственности,

помогало новое средство: «Искать плюсы во всём». Порой было очень тяжело, но отступить не в моих правилах. Дал слово – выполняй! Иначе и рот разевать нечего.

Отсалютовав стаканом портрету пресветлого князя на стене, я произнёс:

– Богато живём – сполна воду пьём. Из маленьких радостей жизнь состоит.

Пока Люсинда наводила порядок в своём Управлении, меня немного разморило в душном кабинете. Во время плавания подремать из-за ноги так и не удалось, зато теперь глаза слипались так, будто не спал трое суток. Привели в себя только настойчивые голоса.

– Подобное в вашей компетенции!

– Меня направили в Кипеллен, а не в Зодчек.

Дверь распахнулась, и вслед за Люсиндой в кабинет вошёл Габриэль Ремиц собственной персоной.

Я даже вскочил от переизбытка чувств. Не видел его с ареста брата.

– Габ!

– Совсем забыла, что это ваш приятель, Вильк. Зато теперь всё встало на свои места, – поморщилась капитанша и обрушилась в своё кресло, так что ножки из орехового дерева тяжело закрипели.

Пока мы обнимались со старым другом, она продолжала ворчать и закончила свою обвинительную речь вопросом:

– От вас обоих будет хоть какая-то польза?

– Без анализа предположения строят только недалёкие студенты.

Хотелось поддержать Габриэля, но умалчивать о своём предположении тоже было нельзя:

– Похоже на повторай-порошок, подобный случай имел место в Кипеллене около двенадцати лет назад.

Люсинда взглянула на Ремица, и тот нехотя кивнул.

– Сходство, безусловно, есть, но без взятия проб официальные заключения не выдаются.

– Ну, ещё бы, – проворчала капитанша. – Трибунал же только особливými заклѣтиями интересуется, а дерьмо пусть расхлёбывает Ночная стража.

– Нам, видимо, пора, – встрял я, заметив на щеках Габриэля раздражённый румянец.

Раньше мой друг так быстро из себя не выходил. В академии его вообще считали непробиваемым. Ни одному студенту ни разу не удалось заставить его хотя бы повысить голос. Видимо, смерть брата и его чёрные дела нанесли больше вреда, чем мне казалось.

– Не задерживаю, – брюзгливо бросила Люсинда, закопавшись в бумаги на столе.

– Неужели ты вступил в Серый трибунал? – удивлённо спросил я, как только закрылась дверь.

– Так вышло, – вздохнул он. – Возвращаться к преподаванию не было никакого смысла, а мне очень вовремя поступило дельное предложение – вечно бездельничать не могу даже я.

Смешок вырвался сам собой.

– Ты? Да не притворяйся. Ты можешь бездельничать сколько угодно. Особенно если никто не видит...

– Уверен насчёт повторай-порошка? – перебил Габриэль.

– Сам, что ли, забыл, как птицы собирались на юг? Тогда ещё Зелёный Гном чуть не прыгнул с башни...

– Тысячу раз просил не называть уважаемого профессора травничества гномом. Знаешь же, как он обижается.

– А он и есть гном. Тем более, из Кипеллена меня не слышно, – отмахнулся я.

Ремиц наигранно вздохнул, словно оскорбление касалось самих Четырёх Пресветлых, но настаивать больше не стал, только добавил:

– Не помню.

– Зато я помню. Очень похоже.

Мы вышли из притихшего Управления через тот же чёрный ход, но прежде чем двинуться в купеческий квартал, подошли к зданию Трибунала. Величественный серый исполин размерами проигрывал только храму богинь. Его точёные башни торчали угрожающими пиками сказочных воинов-великанов, а узкие окна-бойницы напоминали острог, а не резиденцию магических следователей.

Габриэль, против моих ожиданий, не стал подниматься по ступеням к главным воротам, а остановился у серой стены, быстро черкнул несколько строк в записке, сложил её конвертом и подкинул. Дунувший снизу поток подхватил послание и потащил к крыше Трибунала. Мой рот сам открылся от удивления: под карнизом, звеня переливающимися крыльями, носились крошечные на таком расстоянии феи. Одна из них сцапала записку и унесла на чердак.

– Что это? – сглотив, спросил я.

– Помощницы, – усмехнулся Ремиц. – Всё ещё побаиваешься их?

– Нисколько.

– Ну ладно, ладно. Расскажи лучше, как вы уживаетесь? Девчонка ещё не заставила тебя задерживаться на работе до утра, только чтобы не возвращаться домой?

– Пока держусь, – припомнив последний неприятный разговор о Троллем рынке, сознался я.

Мы отошли от Трибунала на достаточное расстояние, чтобы от мерзкого шелеста мелких крыльев не звенело в ушах.

– Заколдуй её, и все дела, – ехидно хмыкнул Габриэль, на мгновение превратившись в себя прежнего.

Я чуть не брякнул, что лучше попрошу у него синей пудры, но вовремя одумался и потащил его в ювелирную лавку.

– Лучше помоги мне выбрать ей подарок. Твой отличный вкус будет как нельзя кстати.

Габриэль пожал плечами, но к прилавку всё же подошёл. Скучающим взглядом обвёл полки, чуть задержался на седом продавце и остановился на собственных руках.

Ювелир явно оценил его фокус.

– Желаете что-то особенное?

– Непременно, – подтвердил Ремиц. – Любовь моего друга обладает изысканным художественным вкусом и достойна особого подношения. У вас есть что-то такое, что сможет пленить сердце образованной красавицы?

Я лишь согласно закивал. А ювелир провёл пальцами по щекам, прижав пышные бакенбарды, и задумался. У него наверняка были припасены особые вещицы, но вот так сходу показывать их незнакомым покупателям он не спешил.

– Неужели ничем не порадуете притязательную панну? – надул губы Габриэль.

Подыгрывая ему, я сложил руки на груди, уже почти решив перебираться в другую лавку, когда ювелир, прищурившись, нагнулся вперёд.

– Позвольте вашу руку, – попросил он.

Пришлось подать.

– Во имя всех Пресветлых будьте счастливы, – насмешливо пробормотал Ремиц. – Теперь вы можете обменяться кольцами...

– Это чудо! – оторвавшись от моих пальцев, заголосил ювелир. – Кажется, мне удастся порадовать вашу панну.

Он юркнул в низкую дверь за прилавком и вскоре выскочил обратно со шкатулкой из тёмного дерева. От неё расходилась энергия защитных чар. Опасные невидимые субстанции кольцами, похожими на змеиные тела, сдвигали крышку. И горе тому скудоумному грабителю, который решится проверить, что за богатство скрывается внутри.

– Завораживает, – всё ещё улыбаясь, заметил Габриэль.

Ювелир кивнул и, сделав замысловатые пассы под дном шкатулки, распахнул её. На чёрной шёлковой подушке лежал перстень. Точно такой же, как у меня, только меньшего размера.

– Старинная вещица, не новодел. Работы того же мастера, что и ваш. Ручаюсь, – произнес хозяин лавки. – Если присмотритесь, то видно, что этот чудный экземпляр сделан для милой панны. Они истинная пара, созданная мастером для влюблённых людей.

– С чего вы взяли? – поинтересовался Ремиц. – Может быть, ваш пресловутый мастер сделал их в подарок своим родителям?

– Сразу видно, что в отличие от панны с изысканным художественным вкусом, вы таковым не обладаете, – нахмурившись, ответил ювелир. – Изящество изделия всегда характеризует чувства мастера. Родителям такие перстни не дарят. Тут связь другого рода. Так вы будете брать или хотите и дальше отнимать моё время?

– А что, за нами выстроилась очередь? – недоумённо оглянулся Габриэль.

– Может быть, желаете продать своё?

Я убрал руку.

– Нет. Сколько вы хотите?

– Триста левков.

– Мы что, покупаем княжеский перстень? – удивился Ремиц.

– Простите, пан, но покупатель же не вы? Вот и не мешайте!

Ювелир даже чуть прикрыл крышку шкатулки, как бы показывая, что предложение ограничено по времени.

– Сто, – прищурился Габ, – и то от больших щедрот.

– Шутите, да никогда!

– Идём, – Габриэль потянул меня за рукав. – Явно же, что у пана не все дома. Триста левков за безделушку, не стоящую и сотни!

Но прислушаться к мудрому совету в тот день мне было недосуг. В итоге я даже не заметил, как снова оказался на улице, только со свёртком в руках.

– Не примечал раньше в тебе такой безумной расточительности, – ухмыляясь, нараспев протянул Габриэль.

– Нам сделали скидку, – проворчал я.

– Жалкие пятьдесят левков? Это не скидка, а милостыня. Ты, верно, сошёл с ума, что начал раскидываться такими деньжищами. Или на капитанской должности так много платят?

– Поменьше, чем в Сером трибунале.

– Много ты знаешь, – отмахнулся Ремиц. – В Трибунале работают за идею. Мир спасают. Какие уж там деньги...

«То-то у вас феи на довольствии», – едва не брякнул я, припоминая всем известную тягу крылатого народца к блестящим камешкам. Эти мелкие пакостницы соглашались работать только за самоцветы.

– ...хотя, конечно, жалованье присутствует, – продолжал разглагольствовать Ремиц, – в качестве утешения за невзгоды. И мне, видимо, придётся им воспользоваться, чтобы накормить легкомысленного транжиру обедом. Ты же наверняка отдал этому седому бандиту всё, что было в кошельке?

Пришлось кивнуть.

– Что и требовалось доказать. Любовь зла, слепа и чрезвычайно глупа. Идём!

До отправления судна в Кипеллен оставалось ещё около двух часов, так что мы действительно успевали отобедать.

Когда Габриэль увидел в моих руках бокал вина, насмешливые морщинки у его глаз разгладились.

– Неужели? – настороженно протянул он.

Мои губы непроизвольно растянулись в улыбке.

– Благодаря этому перстню и способностям Аланы. Так что моя безумная расточительность не так уж и безумна.

– Вынужден согласиться. И как тебе новая жизнь?

– Прекрасно, – отхлебнув вина, заметил я.

Ремиц кивнул.

– Искренне рад.

– Обо мне ты теперь знаешь всё, а как твои дела?

– Так же, всё так же, – пожал плечами Габриэль. – С того паршивого дня мало что изменилось. Поменял преподавательское кресло на дознавательское, а в остальном всё одно. Любостей не заводил. Деньгами не раскидывался. Ничего интересного. Меня даже никто ни разу не вылечил от мучительного дара.

Он разрезал заказанное жаркое и начал медленно жевать, но мне не терпелось задать главный вопрос.

– Вернуться не хочешь?

– Куда? В сырой, холодный городишко, заваленный трупами по вине моего брата? Нет, что-то не хочется. Правда, – Ремиц прочистил горло, – на пару недель заехать придётся. Меня отправили разобраться в одном щепетильном деле. Деталей сообщить не могу, в Трибунале не любят выносить сор из избы, тем более, когда замешаны столь влиятельные персоны.

Я кивнул.

– Если нужна помощь, Управление в твоём распоряжении. Поплывёшь вместе со мной?

– Непременно. Иначе тебе даже за билет заплатить будет нечем.

Спорить было бессмысленно. Поэтому пришлось поковыряться в бифштексе и похрустеть зелёным салатом с жареным картофелем. Соусы в Зодчеке делали неплохие, а вот остальная часть блюд оставляла желать лучшего. Поэтому моё предпочтение оставалось за тем, чего я так долго был лишён. Вино, напротив, отличалось терпким ароматом и богатым послевкусием. Такое можно смаковать часами, и не надоест. Только будет раскрываться с новой стороны.

– Вижу, ты и правда живёшь по-другому, – доев жаркое, ухмыльнулся Ремиц.

– А ты нет? Слишком любишь свою драгоценную загадочность?

Габриэль эффектно приподнял бровь.

– В чём ты подозреваешь меня на этот раз?

Отставив на время бокал, я задал ещё один мучивший вопрос.

– В том, что хочешь найти виновника смерти своего брата, которого до сих пор не нашли.

Ремиц невозмутимо вытер рот салфеткой и встал.

– Нет, – он задумчиво посмотрел на меня и предложил: – Времени у нас с избытком, так что предлагаю пройти до пристани пешком. Знаешь, на Янском архипелаге считают, что после обильного приёма пищи надо сделать не менее тысячи шагов. Тогда пища лучше переварится, а сам человек станет бодрее и собраннее. Проверим?

Габриэль расплатился, и мы вышли на улицу.

Над домами плыли серые, тяжелые тучи. Цеплялись мохнатыми брюхами за шпили и проливались мелким дождём.

– Прекрасная погода для прогулок.

– Согласен, – кивнул Ремиц, словно не заметив моего сарказма, и пошёл в сторону пристани. – У меня мало близких людей. Как ты верно заметил, моя загадочность и эксцентричность не позволяют кому бы то ни было сблизиться со мной. Да я и сам не тороплюсь разрушать эту уютную стену. Признаюсь, за ней очень удобно. В её тени у меня стоит кресло и всегда накрыт маленький столик с закусками. Там в стеллажах мои любимые книги, штатив с горелкой, колбы, реактивы. В общем, всё то, что ценно в славной земной юдоли. Недостает только одного...

Его голос сел.

Редкие прохожие, будто почуяв неладное, перешли на другую сторону улицы. А самые тёмные тучи спустились и сгустились над нашими головами. Не хватало только колдовского грома и молний Полночной бездны. Такие обычно рисуют на старинных гравюрах с обрядами чёрной магии.

– ...свежего воздуха, – закончил мысль Габриэль. – За стеной он очень затхлый, а временами даже зловонный. Поэтому я разобрал её на время, ношу с собою кирпичи и гуляю, чтобы надышаться впрок. Прежде чем залезу обратно за свою милую стену, предпочитаю вдохнуть всё, что смогу. Если перепадёт немного ядовитых испарений мести, буду не против. Они делают моё существование немного интереснее. Но посвящать всё своё будущее попыткам изменить прошлое не собираюсь. Месть – это жалкое копошение в том, что уже прошло.

Он замолчал, но окончательно убедить меня в том, что не станет нарочно искать виновного в смерти Гжеся, так и не смог. Слишком давно его знаю, чтобы поверить в витиеватые рассказы.

Город немного притих. Видимо, Люсинде всё же удалось навести порядок. По крайней мере, до самой пристани мы не встретили ни одного безумца с горящими глазами. Только пару мрачных посыльных и одного деловитого купца. А вот на набережной за нами пристроился странный тип в огромном султанешском тюбане.

– Что за огородное пугало тащится за нами уже два квартала? – с легким раздражением заметил я, оглядываясь на странно разодетого пана. Как по мне, так в нашу зиму в рыбацком бушлате ходить надо, а не в подбитом мехом шелковом халате с золотой канителью. Мохнатый, расшитый золотом подол уже собрал на себя всю грязь с мостовой.

– Наверное, прознал, каким чудесным перстнем ты разжился, – не преминул поддеть Ремиц. – И хочет прикупить для своей сто тринадцатой жены.

– Или желает записаться в Трибунал, – не остался в долгу я.

Тип в тюбане, сообразив, что его заметили, с удвоенной прытью устремился к нам, путаясь в промокших полах халата.

Габриэль остановился, обернулся к пышному пану и строго спросил:

– У вас какое-то дело?

Незнакомец поклонился.

– Чело господи-ина выражает грусть и тревогу, – начал он со странным тягучим акцентом. – Если позволите погадать вам, сниму сомнения в будущем. Вы остановились на развилке и не знаете, какую дорогу выбрать.

Ремиц надменно усмехнулся:

– Это, видимо, по твою душу, мой дорогой друг, – хмыкнул Габ, недвусмысленно косясь в мою сторону.

– Нет-нет, – замахал руками незнакомец, так что затряслись тяжёлые золотые кольца в его ушах и запрыгали чёрные кудряшки волос. – Я обращаюсь именно к вам, господи-ин. На вашем челе печать сомнений.

На этот раз пришла моя очередь улыбаться, а Габриэль усиленно потёр лоб.

– Больше нет?

– Вы шутите, но в душе у вас не смешно, – продолжал настаивать незнакомец.

– А вы в этом разбираетесь?

– Довольно хорошо. Моя имя гремит по всему Султанешу и Гардару, а теперь и Растии. Даже пресветлый князь Жадомир Яломский удостоил меня аудиенции, возжелав узнать тайны звёзд и планет. Я есть Ибрагар Калиострович, потомственный ясновидящий всех двенадцати домов ночи, дня и мистических сумерек. Освещённый печатью благодати и чести Четырёх Пресветлых богинь.

– Тогда другое дело, – закивал Ремиц и, повернувшись, пошёл прежней дорогой.

Ибрагар Калиострович семенил следом за нами до самой пристани, но новых предложений о гадании не делал. Только горестно вздыхал и тихо, но так, чтобы мы слышали, просил прощения у всех святых-заступников. Причитал, что желал нам только добра. А когда мы предъявили билеты и взошли на борт, забрался следом за нами.

– Видишь, мой выбор уже сделан, – бросил Габриэль.

– Ещё нет, – замотал головой странный человек в тюрбане. – Но очень скоро вам придётся на него решиться.

Он гордо подобрал полы длинного чёрного одеяния, расшитого звёздами и магическими животными, и пошёл к пассажирским местам, а трое служек начали загружать его тюки и сундуки.

– Может стоило погадать? – пошутил я.

Ремиц покачал головой.

– Меньше знаешь – крепче спишь. Не знаю как ты, а я очень хочу погрузиться в царство сновидений. Признаться, давно в нём не бывал и порядком соскучился. Так что собираюсь отправиться туда как можно скорее.

– С радостью бы составил компанию, но моя нога не переносит качку.

Габриэль пожал плечами и ушёл, бросив на прощанье, что будить его можно только у берегов Кипеллена. Я же снова остался один и достал купленный для Аланы перстень. Застывшее глубоко в металле тепло притягивало. Безусловно, такая необычная вещица, истинная пара, созданная мастером для влюблённых людей, должна прийтись моей живописке по душе.

Из рассказа Аланы де Керси, хозяйки книжной лавки «У моста»

Тяжёлая ляда с противным сырым чавканьем захлопнулась за моей спиной, оставив в кромешной и промозглой темноте. Снизу тянуло гнилой картошкой и сырой штукатуркой. На нос ляпнулась здоровенная капля, и я сдавленно пискнула от испуга, поспешно зажав рот ладонью. Не хватало, чтобы меня слышали крысолаки, в чьи охотничьи уголья пришлось забраться. И обычные мыши-то – жуткая мерзость, а тут здоровенная чешуйчатая крысища! Да ещё и ядовитая... бр-р.

Низкий потолок давил на голову. Влажные скользкие кирпичи холодили и без того озябшие руки. Сюртук напрочь отсырел, в ботинках противно чавкало, а промокший шерстяной шарф больше раздражал, чем грел.

Терпеть не могу кипелленскую зиму! То льёт, то сыплет, а порой и валит, но потом снова льёт. Никакой обуви не напасёшься на эту мокрядь! И здоровья тоже. Стоило грудню-месяцу вступить в свои права, как у некой Аланы де Керси мигом захлюпало в носу и запершило в горле. Пришлось срочно запастись мерзкими клюквенными леденцами и горчичниками. Ничто другое попросту не брало.

Задумавшись о превратностях погоды, я перестала осторожничать и чуть не загремела вниз по крутой скользкой лестнице, но вовремя растопырила руки и упёрлась во влажный камень, поросший склизкой рыхлой плесенью. Из-под ног с хриплым писком вниз ломанулась какая-то тварь. Крысолак это был или нет, куць его разберёт. Ботинок не прокусил, и слава богиням.

Страх липким холодом растёкся по спине. Ф-фу... Лишь когда предательская дрожь в коленях утихла, я решила продолжить спуск. Под подошвами пару раз что-то хрустнуло. Рука машинально потянулась к карману за алхимическим светляком. Нет! Знать не желаю, что там такое! А светляк ещё внизу пригодится.

Да когда же закончатся эти куцьи ступеньки?! Помнится, раньше лестница была короче... Или за давностью лет всё уже позабылось? Или вообще ошиблась подвалом...

Лестница неожиданно оборвалась, и я едва не поцеловалась со стеной. Из темноты вынырнула каменная щербатая харя и чуть не оттяпала мне нос, звучно щёлкнув зубами.

– Ыть! – сдавленно крикнула я, шарахнувшись назад, и с размаху уселась на ступеньки.

Впереди раздавалось приглушённое недовольное ворчание и скрежет камня о камень.

Кое-как нащупав в кармане светляк, выудила его наружу и потрясла. Светильное зелье никак не хотело разгораться. То ли сыро ему было, то ли холодно. Но в конце концов оно согласилось на мои уговоры, и кромешный мрак чуть отступил, рассеянный тусклым мертвенным светом.

Со стены мрачно скалился пастями умрявов старинный барельеф. Стражи Полночной бездны, запечатлённые в камне каким-то свихнувшимся мастером-живописцем, недовольно ворчали и толкались, разбуженные моим внезапным появлением. Тела чудовищ, сплетённые резцом в замысловатый узел, скрежетали и тёрлись друг о друга, змеились по камню, тщётно пытаясь вырваться на волю.

Хвала Четырём Пресветлым, узел не давал им свеситься с барельефа настолько, чтобы оттяпать мне голову, но кто сказал, что они не пытались?

Сунув руку в карман, я выудила отсыревший клочок бумаги, мелок и обречённо вздохнула: начертательная магия – моё проклятие. Так и не научилась выводить все эти закорючки без шпаргалок.

Стараясь не подлезать слишком близко к плотоядным мордам, ваша покорная слуга спешно перечерчивала ключ с бумажки на стену. Вообще-то, попасть на Троллий рынок можно

и не разгуливая по сырým подвалам, рискуя подхватить лихорадку или превратиться в крысочайный ужин. Но зачем искать лишние приключения, когда есть проверенный ход? Тем более, что иные лазейки требовали либо полноценной магии, либо хорошего проводника. И если с первым у меня ещё было так-сяк, то со вторым оказалось совсем туго. Румпель занят. Вильк, прознав о моих намерениях, устроил выволочку, строго-настрого запретив соваться на Троллий рынок. А Дельку я сама не хотела втягивать, памятуя, чем закончилась вылазка во время учебы.

Но бизнес требовал жертв. А Врочек пилил меня хуже злобной карги, требуя быстрее наладить ослабевшие после его гибели² связи. Посему поход в недра Кипеллена пришлось подгадывать на отсутствие Балта в городе – пан магистр, а нынче ещё и капитан Ночной Стражи изволил поутру отбыть в Зодчек по делам Управления. И не приведи все четыре богини ему узнать о моих похождениях. Боюсь, тогда не спасёт даже столь любимое: «Так ведь обошлось же!».

Покончив с узором, отступила на шаг и активировала линии. Барельеф, всё это время неприветливо скалившийся и шипевший, пошёл трещинами и разъехался в стороны, открывая проход. Не успели стенки полностью разойтись, как тут же пошли обратно. Всё-таки где-то ошиблась. Куцева начерталка! Но исправлять было поздно. А-а, пан или пропал!

Я с писком ринулась в закрывающуюся щель. Каменные зубищи лязгнули совсем близко, волосы больно дёрнуло. Краем глаза успела заметить, как умряв злобно потрясает моим картузом, трепля им во все стороны. Под злобное рычание проход за спиной сомкнулся. Всё! Первая часть задуманного безобразия прошла почти без жертв. Ну, здравствуй, Троллий рынок!

Изнанка Кипеллена открылась во всём своём мрачном великолепии. Длинные галереи пьяными змеями спускались вниз, превращая нутро города в эдакий слоёный пирог, где чем глубже, тем страшнее. И если на первом уровне, помимо прочего, можно разжиться вполне законными вещами, добытыми ночным промыслом, то на последнем – третьем – запросто завладеть не только мруном, но и чёрной душой создавшего его некроманта, были бы деньги и желание.

Опорные колонны чёрными спицами пронизывали Троллий рынок сверху донизу. Сводчатый потолок терялся во мраке, а галереи тускло мерцали масляными фонарями, алхимическими склянками и подземными грибами.

На верхнем ярусе шумели. Разношёрстная толпа толкалась у лотков с готовящейся на углях едой разной степени съедобности, накачивалась кишковыворотным пивом, которое продавец-цверг черпал ковшом прямо из бочки, и толпилась возле барахла, разложенного для продажи прямо на полу.

Торговцы посolidнее расплзлись по комнатушкам, штрекам и зальчикам, развесив у входов корявые вывески.

Среди гор хлама сновали деловитые кобольды, щерясь на неуклюжих прохожих широкими передними резцами, передавая послания и торгуя из-под засаленных пол кафтанов и фартуков светильным эликсиром, мелкими самоцветами и синим мхом – в малых дозах отличным успокоительным средством, а в больших – дурью от которой ехала крыша.

Посередине галерея расширялась настолько, что превращалась в площадку, уставленную загородками с живностью: от вполне легальных ездовых тритонов до совсем уж незаконных кикимор. Именно здесь мы с Делькой семь лет назад украли фею у фееторговца. Я услышала приглушённый писк и завертела головой: похоже, фееторговля по-прежнему процветает...

Откуда-то сбоку раздалось злобное шипение и раздражённое перещёлкивание.

Ого! Ну, что я говорила! Живность на любой вкус. Интересно, как сюда протащили змеюбрю? Да ещё и не одного – в центральной загородке топталось с полдюжины чешуйчатых тва-

² События романа «Тайны Кипеллена. Дело о запертых кошмарах»

рей. Вот это уже точно ни в какие ворота... Отлов и продажа тварей в Растии запрещены и караются десятком лет каторги, а о том, чтобы провести змеюбрёй в город, и речи быть не может. Нервные, агрессивные, злобные твари, вырвавшись из загородки, могут натворить в галереях рынка таких дел – черпаком не расхлебашь! Очень надеюсь, что предприимчивые дельцы не поспешили на магический контур, иначе худо им придется, если чудовища взбрыкнут.

Врочек, выпроваживая меня «на дело», долго втолковывал, куда следует отправиться на галерею, чтобы не стоять столбом, разинув рот, и не спрашивать дорогу у местных обитателей, привлекая ненужное внимание к своей кудрявой персоне. Потоптавшись ещё немного, я наконец-то заметила криво приколоченную шильду с раскрытым фолиантом и устремилась туда.

В маленьком полутёмном зальчике шумели покупатели. Кобольд, восседавший за высокой стойкой, размахивал сухими тонкими лапами, призывая разошедшихся клиентов к порядку. Видно, торги разгорелись нешуточные. Но мой кошель, спрятанный под одеждой, оттягивала сотня левков. А значит, пара книг точно будет моей, если найду что выбрать.

– Посторонись, нищество! – зычно раздалось над моей головой, заставив шархнуться в сторону.

В зал протискивалась крикливая тётка изрядных объёмов и гренадерского роста. Жидкие чёрные волосы, зачёсанные в кокон на макушке, делали её ещё выше. Следом за ней на тонких кривых ногах семенили два карлика. Внеся свои пышные, обтянутые ярко-малиновым бархатным платьем тела в зал, она остановилась и пристально оглядела присутствующих поросычьи глазами-буравчиками, над которыми хмурились насурьмлённые бровки-ниточки. Уверена, что её нос-картошка, теряющийся среди толстых нарумяненных щёк, плотоядно принюхивался.

Внутри сразу стало тесно.

Я мысленно застонала. Ну отчего мне везёт, как утопленнице?! Надо же было именно сегодня нарваться на конкурентку. Пани Кукусильда Пыщанская, известная в Кипеллене купчиха, ко всему прочему держала ещё и большую книжную лавку, самую популярную в городе. Уж не знаю, чем старик Франц, на дух не выносивший купеческую братию, насолил конкретно ей, но «У моста» была Кукусильде как кость в горле.

Пока лавка принадлежала Врочку, пани Пыщанская обламывалась об ершистого старика, но когда хозяйкой стала я, с тройной силой пыталась прибрать нас к рукам. И если бы не Вильк с Румпелем, ваша покорная слуга давно бы лишилась и жилья, и дела.

– Что, де Керси, пришла последние медяки тратить? – хохотнула она, разглядев наконец, кому приказывала посторониться. – Не надумала ещё продать свою шарашку?

– Нет!

– Ну, гляди, досидишься, ломаного гроша не дам!

– Да ради четырёх пресветлых, только порадуюсь, – буркнула я, пробираясь к разложенным на грубо сколоченных полках книгам.

– Так заберу, – крикнула мне в спину Кукусильда.

«Угу, как же, подавишься!» – подумала ваша покорная слуга, прикидывая, как бы ещё обезопасить лавку от этой мегеры; и тут заметила небольшой томик, лежащий на стойке кобольда особняком. Этой маленькой прелести определенно не хватало красной бархатной подушки с кистями. Даже с моего места было видно, что обложка обтянута телячьей кожей фарницийской выделки, – только там добивались такого красивого рубинового цвета при покраске. А к медным уголкам и застёжкам, бьюсь об заклад на свой контракт со Сквиорцонни, точно приложили руку мастера Из-под Холмов, а уж тёмных или светлых, надо ближе смотреть. Но больше всего меня сейчас заботило содержание! Если эта кроха оригинал, готова оставить здесь всю сотню сразу! Выдернув с полки ещё пару интересных томов (на редкий старинный травник я нацеливалась сразу, в подарок Балту к празднику Конца года), усердно заработала локтями, проталкиваясь к стойке.

Добравшись, плюхнула перед кобольшом-продавцом отобранные книги, а сверху – привлекущую меня малютку. С другого конца стойки тут же подплыла Кукусильда. Сопровождавший её карлик тащил перед собой стопку книг едва ли не больше своего роста.

– Йохт! – пророкотала она, нависнув над кобольшом. – Заверни! – И тут её глазки-буравчики упёрлись в меня и мои книги. – И это тоже! – не терпящим пререканий тоном приказала она, – у нашей бедной девочки всё равно не хватит денег, так зачем расстраивать крошку, пусть лучше петушка на палочке купит, – Пыщанская оскалилась не хуже крокодила.

От такой наглости у меня кровь прилила к щекам.

– Ещё как хватит! – наконец выдавила я.

Вышло пискляво и неубедительно. Руки лихорадочно зашарили под сюртуком в поисках кошель. Сейчас покажу тебе бедную девочку, кошелёк драная!

Куць меня за ногу...

Денег не было.

Видно, перемена настолько явно отразилась на моём лице, что Кукусильда довольно заулыбалась. К ней присеменил второй карлик и сунул в руки сверток с моим кошелёком.

– Да вы, да... Это же моё!

Я кинулась на Пыщанскую, но меня по незаметному кивку кобольша тут же скрутил охранник. И, не обращая внимания на возмущённые вопли и отчаянные пинки, вышвырнул обратно на галерею. Я шлёпнулась на зад, не зная, реветь от обиды или рычать от злости.

Р-р-резец мне в стило!

Из зала выплыла Кукусильда. Карлики тащили за ней куплено-отобранные книги. Купчиха подбрасывала на ладони мой кошелёк. Проходя мимо, она приостановилась и, вытянув из него монетку, кинула мне под ноги.

– На леденец хватит, – ослабилась тётка и, вилия необъятной задницей, скрылась в рыночной толчее.

У-у-у-у, злыдня! Да чтоб тебя перевернуло и подбросило! Чтоб ни один покупатель за год не зашёл, а если зашёл, так не расплатился! Чтоб тебе ни в одно платье не влезть, чтоб... чтоб...

Яростных пожеланий было так много, что мозг не успевал додумать их до конца. Это же надо так вляпаться! Прав был Бальтазар, не стоило сюда соваться... Ну ничего, отольются кошке мышкены слёзки. Вот как пролезу в её лавку, а ещё лучше в дом, как понарисую художеств на стенах несмываемой краской!!! Да таких, чтоб по ночам светились! Или пикси приважу, пусть разнесут всё внутри!

Я поднялась, потирая отшибленный копчик, сунула в карман брошенные конкуренткой деньги. Нечего разбрасываться, ещё пригодятся. Привратника там подкупить, когда в дом к ней лезть буду, или... Богини! Что я несу? Какого привратника? Это раньше можно было очертить голову творить что попало. Невольно фыркнула, вспоминая взлом Бальтазарова стола и явление бравого чародея в полотенце. А теперь – нет. Нынче я почтенная деловая панна, значит, и месть следует продумать в том же духе.

В животе голодно заурчало. Но вблизи меня торговали лишь жареными пирожками, чей тошнотворный запах отбивал всякую охоту к еде. Ну, разве что с ежевикой был более или менее съедобен. На нём и остановилась.

Бредя по рынку и неэстетично облизывая жирные пальцы, измазанные в ежевичном варенье, я настолько погрузилась в мрачные мысли и планы мести противной купчихе, что даже не смотрела по сторонам. Долго так продолжаться не могло. Конечно, ваша покорная слуга тут же на кого-то налетела.

– Эй, де Керси! Ты хоть иногда под ноги смотришь?! Идёшь, как в воду опущенная, – возмущённо замахал передо мной руками Конрад Мыш, недоброй памяти маг-образумленец, всучивший нам очумелый диван, до полусмерти перепугавшего Врочека и порвавшего штаны

Вильку. – Или ты после потопа в таверне такая пришибленная?! – он визгливо расхохотался собственной дурацкой шутке.

Честное слово, лучше бы ему не вспоминать про безобразие, учинённое у Румпеля! Ваша покорная слуга и без того была на взводе, а тут представился такой случай спустить пар.

– А не по твоей ли милости начался тот потоп, Мыш! – прошипела я не хуже змеюбря, наступая на Конрада. – Может, требовать с тебя за моральный ущерб, и за диван, и за испорченную одежду? Румпель будет рад!

Я наступала на незадачливого чародеишку, тесня его к стене. Мыш, углядев в моём лице нечто, предвещавшее ему хорошую трёпку, прикрылся туго набитой холщовой сумкой, которую до этого сжимал в руках.

– Д-де К-керси, ты чего? – заикаясь, пролепетал он. – Я ж извинился тогда...

– Ах, извинился... а ремонт оплачивать Румпелю кто будет?! – завопила я, тыкая пальцем в сумку.

Холщовая торба и так, видно, была на последнем издыхании, а мой тычок ускорил неизбежное. Дно сумки прорвалось, и оттуда хлынул купленный на Тролле́м рынке хлам.

Гору Мышовых покупок венчала маленькая зачарованная клетка с феей.

– Та-ак!!!

Конрад кинулся подбирать свои сокровища, но я оказалась проворней, завладев клеткой прямо у него перед носом.

– Мыш! Ты в Серый трибунал захотел?

– Да это... того... выпустить её собрался... – стушевался поначалу Конрад, но быстро очухался и вспетушился, – и вообще отдай, это моё!

– Ага, сейчас! – я прижала маленькое узилище к груди. – Разбежался!

– Де Керси, отдай по-хорошему, – срываясь на си́плый визг, Мыш рванулся ко мне, попытавшись перехватить клетку.

Костлявые пальцы впились в рукав. Но я от души пнула его в лодыжку, не давая добраться до феи. Чародеишка взвыл, толкнул меня в грудь, и ваша покорная слуга с силой треснулась о бортик загородки со змеюбрями.

Хрясь!! Хрусь!

Ой-ёй!

Из глаз посыпались искры.

Скреплённые честным словом и магическим контуром доски загона не выдержали, и меня повалило на спину, прямо в гости к чешуйчатым тварям.

А-а-а-а!!!

Куць меня за ногу!!!!

Контур прощально сверкнул, заставив змеюбрей отчаянно затрясти головами. А я успела откатиться куда подальше.

– Гр-р-р-р-р-р-р-р-р-р-р-р-р-р-р-р-ра-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а!

Чудища, поняв, что их больше ничего не удерживает, хрипло взревели и кинулись враспынную, внося панику в нестройные, а местами ещё и нетрезвые ряды кипелленского криминала.

На галерее воцарился хаос.

Дурные твари засакакали по коридорам и галереям, сметая лотки и покупателей с продавцами. Налетели на алхимический прилавок.

Ба-бах!

Что-то из разбившихся бутылей и реторт прореагировало слишком бурно, и с потолка посыпалась каменная крошка.

Тресь!

Бочка с тошнотворным пивом полетела на пол, заливая его зловонным пенистым потоком.

Ой, Вила Пресветлая... Ходу, ходу! Пока кто-то не вспомнил, с чего всё началось, и не заметил меня.

Я неслась, не разбирая дороги, налетая на посетителей и лотки. Опрокинула стойку с зельями и, подгоняемая проклятиями владельца, едва не споткнулась о выкатившуюся под ноги вазу. Проскакала по остаткам злополучного алхимического прилавка. За спиной грохнуло, и по рынку пополз сладковатый оранжевый дым. Замешкавшись, не успела вовремя уклониться и налетела на криво сколоченный стеллаж. На голову посыпались клетушки с верещащими феями. Да куць тебя! Что ж мне так везёт! Отвоёванную у Мыша клетку ваша покорная слуга по-прежнему сжимала в руках, и пока разгоняла искры перед глазами, на меня налетел фееторговец.

– Ты-ы! – взревел он. – Воровка!

Испуганно шарахнувшись назад, я припустила с удвоенной силой, прижимая к себе фею. В попытках оторваться от преследователя свернула в какой-то коридор, потом ещё в один, а фееторговец упорно пытался за спиной.

Потянуло свежим воздухом, морем и сыростью. Кажется, рядом порт. Заметив пробиравшийся с другого конца коридора тусклый свет, со всех ног бросилась туда. С ходу вышибив хлипкую заслонку из разошедшихся досок, выскочила в переулок у пассажирской пристани. С неба по-прежнему лило, ноги разъезжались по раскисшему льду и остаткам снега. К причалу как раз пришвартовался баркас, прибывший из Зодчека. Пассажиры неспешно спускались по трапу, еще чуть-чуть – и можно будет затеряться в толпе, но за моей спиной всё ещё хрипел и топал разъярённый фееторговец.

И тут на пристань вышел патруль Ночной стражи. Внутренне возликовав, я кинулась к ним.

– Держите её! Держите мерзавку! – как гром среди ясного неба проревело у меня за спиной. – Она поймала фею!

Перед глазами вдруг полыхнуло лиловым. Запнувшись о невидимую преграду и потеряв равновесие, я растянулась во весь рост, подкатившись по размокшему льду прямо под ноги к сошедшему с баркаса щёголю в чёрном рединготе и с тростью в руке. Потемневшие ореховые глаза не сулили мне ничего хорошего.

Постаравшись соорудить самую умильную физию, на какую была способна, я прикрылась клеткой с феей, словно щитом, и радостно выпалила:

– Привет, Балт! А на Тролльем рынке змеюбрей продают...

Глава вторая, в которой начинает происходить нечто странное

Из записок Бальтазара Вилька, капитана Ночной Стражи

Иногда мне и правда хочется её заколдовать, но тогда придётся глядеть в эти чересчур невинные, как сейчас, глаза до конца моих дней. А это мучительное испытание: праведная злость борется с нежностью, но победить так и не может. Грудь распирает и хочется курить, чтобы успокоить расшалившиеся нервы. Трубки же в последнее время касаюсь редко. Теперь у меня намного больше вредных пристрастий. Так что усугублять не стоит.

– Что ты успела натворить в моё отсутствие?

Вопрос прозвучал не так строго, как мне бы хотелось, и Алана, почувствовав слабинку, шустро подскочила с мокрой набережной и выставила перед собой маленькую клетку, словно щит.

– Кроме змеюбрей, они снова торгуют феями... – в доказательство она сунула мне под нос крохотное узилище с крылатой малявкой.

Я невольно прятнул назад. Всё же не люблю я этот народец. Есть в нём что-то эдакое, недоброе.

– Всё видел и могу засвидетельствовать перед лицом Ночной стражи, – перебил её дородный пан с седой бородищей.

Он комкал в огромных лапах кожаный фартук со следами гари и пропалин и рокотал, как ворчащий камин.

– Разгромила мой прилавок. Перевернула соседскую полку с зельями. Сломала загон и выпустила каких-то злобных тварей, – в конце каждой фразы он тяжело вздыхал. – Заляпала всё мерзкими алхимическими растворами. Кричала и ругалась, как пьяный тролль, а потом и вовсе ухватила фею и заперла в клетке...

– А ключ проглотила, – поддержал его речь ухмыляющийся Габриэль, как-то странно поглядывающий на Аланино «приобретение».

Увидев его, Алана что-то пискнула, но тут же метнула сокрушающий взгляд в обвинителя.

– Разглядеть, конечно, не успела, но пойманных фей у него не меньше двух десятков. Могу показать! Там Мышь ещё этот придурочный ошивался.

Она даже сделала шаг в направлении разбитого входа в городские катакомбы, так что пришлось ухватить её за руку.

– Прошу прощения, пан капитан, – вмешался сержант патруля, как оказалось, подждавшего на пристани именно меня. – Сам голова требовал, как только вернётесь, чтоб срочно прибыли к особняку пана Мнишека.

– Что там стряслось? – обеспокоенно вскрикнула Алана.

– Никто не пострадал, панна, – шмыгнув носом, пробормотал старший стражник.

Ремиц театрально вздохнул, почти как дородный пан в конце каждой фразы.

– Что бы там ни было, – проговорил он, – до дружеских посиделок сегодня дело уже не дойдёт. Так что, панна, предлагаю проводить вас домой, раз уж ваш кавалер так сильно занят служебными делами.

– Благодарю, – кивнул я, всё ещё хмуро поглядывая на Алану. – О происшествии поговорим позже.

Она пожалала плечами, показывая, что и разговаривать особо не о чем.

– Задержите пока, – приказал я подошедшим стражникам, указывая на гнавшегося за Аланой фееторговца.

– Я буду жаловаться, – всё ещё тиская фартук, выкрикнул дородный пан, но его быстро скрутили и, не обращая внимания на ругательства, повели в сторону Управления.

Остался только сержант. Я же долго смотрел на тёмную дыру входа в подземелье.

– Ты же не сунешься один на Троллий рынок? – хмыкнул Ремиц у меня над плечом.

– Уже без меня сунулись, – осипшим голосом выдавил я и, справившись с собой, зло уставился на Алану. – Просил же обходить это место стороной!

– Только редких книг хотела прикупить... Со мной же всё в порядке...

– Да что ты говоришь? А делать что теперь прикажешь? Твоё слово против его. Как разбираться? Или у тебя есть свидетели?

Между нами втиснулся Габриэль.

– На Тролльем рынке свидетелей не бывает.

Он улыбнулся Алане и махнул рукой в сторону усадьбы Мнишека, скрывающейся за домами.

– Превратности книготорговли обсудите позже! Панна устала, а вас, мой друг, ждут на месте происшествия.

Я машинально кивнул, вновь наткнувшись взглядом на султанешца в халате не по погоде. Он ждал, пока с баркаса спустят его многочисленные баулы и норовил всё ближе подступить к нам. Видно, собираясь повторить предложение своих сомнительных услуг.

– Коляска тут рядом, – обрадовался сержант, после того как щекотливое дело разрешилось.

Удостоив живописку недовольного прощального взгляда, я двинулся вслед за старшим стражником, по дороге уточнив, что же такое случилось в моё отсутствие.

– Мнишека обнесли, – отчитался он, когда мы отошли на пару десятков шагов. – Какая-то семейная реликвия пропала, да ещё вещи ценные.

– Куц их подери, тех ненормальных, что решили связаться с Редзяном, – буркнул я.

– Так о том и речь, пан капитан. Говорят, не наши это. Залётные какие-то. Наши бы никогда на Мнишека не полезли.

– Час от часу не легче. Только залётных нам не хватало. Своих сорвиголов прорва, – я оглянулся на разбитый вход в катакомбы. – Поставьте там пару часовых, чтобы не влез кто, и доложите пану Тарунде.

Заместитель, недавно присланный мне в помощь из самой столицы, внушал доверие. Такого человека очень не хватало последние месяцы. Всегда чувствуешь себя спокойнее, если есть кому прикрыть тылы.

– Так точно! – отрапортовал сержант. – Сами поведёте?

Я кивнул. После морского путешествия меньше всего хотелось самому править коляской и сидеть на жёстких козлах, но забирать стражника и оставлять без присмотра открытый вход на Троллий рынок не стоило. Мало ли что оттуда может вылезти, да и разбираться с пропажами горожан, случайно забредших в подземелья, тоже не хотелось.

Всю дорогу до усадьбы Мнишека стук копыт отвлекал от невесёлых мыслей. Когда-нибудь везение Аланы закончится, и она вляпается в такие неприятности, из которых уже не выберется. Цок-цок. Или того хуже – выберется, но уже совсем другой, с помутневшим разумом или покалеченным телом. Цок-цок. Кажется, наша служебная кобыла чуть прихрамывала на одну ногу. Надо будет сказать конюху, чтобы осмотрел как следует. Цок-цок. Дорогу перебежала какая-то чокнутая бабка в зелёном платке.

– Тпру-у-у, – пришлось резко натянуть вожжи и упереться ногами в бортик, чтобы не вывалиться под копыта.

Но зато мысли о Тролльем рынке окончательно выскочили из головы. Зачем Редзян при-
влёк городского голову, почему не обратился ко мне напрямую? Мы же в более или менее дру-
жеских отношениях. Странная история с этим ограблением. Я не стал делиться с сержантом,
но Мнишека знали далеко за пределами Кипеллена. Даже самые перезалётные сорвиголовы
должны были понимать, с кем связываются. И либо они такие же сумасшедшие, как бабка в
зелёном платке, либо им кто-то очень хорошо заплатил.

Слуга встретил меня у ворот усадьбы, видать, дожидался, когда приеду. Раскланялся и
указал место, где лучше оставить коляску.

Когда я поднимался по лестнице, парадные двери нетерпеливо распахнулись и мне
навстречу вылетел всклокоченный Мнишек.

– Где же вы пропадали, пан Вильк? Жду не дожусь. Хотел отправить свой экипаж к
пристани, но влез голова, раскомандовался. Ругал ваших стражников на чём свет стоит. А мне
нужны были именно вы, – он вытер испарину со лба и с шутовским поклоном пропустил меня
вперёд.

– Зачем вам сдался именно я?

Его бледность на фоне потного лба выглядела убедительно. Что бы ни пропало, Редзян
это действительно ценил. А значит, его ударили по больному и, скорее всего, не случайно.

– Ты ещё не разучился влезать в чужую память? – почему-то шёпотом спросил он.

– Этому невозможно разучиться, – невольно погладив перстень, ответил я, начав выти-
рать грязные сапоги о половик.

– Не трать на это время, – нервно бросил Мнишек. – Идём? Я приказал ничего не трогать.
Даже не входить в те комнаты, по которым они пошуровали. Дочь услал, чтоб не видела. Так
что у тебя будет всё, что ты захочешь.

– Кровь? – деловито уточнил я.

– Много крови! – бешено выкрикнул он.

Из рассказа Аланы де Керси, хозяйки книжной лавки «У моста»

Удручённо глядя вслед отъехавшему экипажу, я зябко поёжилась. Отсыревшая, а местами и насквозь промокшая одежда совсем не грела. Мерзкий ветер, налетающий порывами с моря, выстуживал её всё сильнее. Эдак можно заработать себе воспаление лёгких, ежели пан, куцъ его за ногу, Ремиц не поторопится и нам коляску отыскать. Я хмуро зыркнула на Габриэля. Ну не люблю его. Не люблю и откровенно побаиваюсь. Понятия не имею, как Балт умудряется столько лет дружить с ним. Аспид он и есть аспид, не зря его в Школе так прозвали...

Заметив мой неласковый взгляд, алхимик криво усмехнулся.

Да-да, знаю, как вы ко мне относитесь, достопочтенный пан, и что думаете, но это уже ваши личные трудности.

– Де Керси, хватит прожигать во мне дыру, – насмешливо хмыкнул Ремиц, – у вас это паршиво получается. Милая мордашка вам идёт куда больше. Экипаж нашёлся. Идёмте. Доставлю в лучшем виде, как и обещал Балту. Иначе, если вы сляжете с простудой, наш доблестный капитан мне голову оторвёт и в банке заспиртует.

– Хотелось бы на это посмотреть, – буркнула я, забираясь в карету.

Руку, предложенную Габриэлем, проигнорировала, продолжая сжимать клетку с феей. Ремиц философски пожал плечами и залез следом.

– А вы жестокая, – заметил он, усаживаясь рядом.

– Не больше, чем тот мастер, который делал вам гравировку на артефакте, – хмыкнула я, бесцеремонно ткнув пальцем в стеклянный бок, выглядывающий из кожаного чехла на ремне алхимика.

– А что не так с гравировкой? – к моему вящему удивлению, в голосе Ремица прозвучала недюжинная заинтересованность. – Кстати, де Керси, как вы вообще умудрились его заметить? Даже Балт не засёк.

– Он не живописец, – пожала я плечами, – там живописная магия, и отвод глаз мне не помеха.

– И всё же, что не так с гравировкой?

– Корявое замыкание узора – это пока из того, что видно. Что бы он ни поддерживал, выйдет из-под контроля и, скорее всего, задурманит голову тому, кто рискнет использовать.

Габриэль нахмурился, усиленно о чём-то думая. Похоже, наконец получилось утереть ему нос. Ну-с, пан заносчивый сноб, что вы теперь скажете?

– Что ж, пожалуй, стоит довериться рекомендациям дорогого друга, – едва слышно пробормотал он и добавил уже громче: – Сможете исправить?

– Если объясните, что это за штука, то может быть.

– Подарочная склянка для зелья, принадлежавшая одному столичному мошеннику, – словно нехотя произнес он. – Его разыскивает Серый трибунал, а следы ведут прямо в Кипеллен. Само снадобье не так важно... А вот упаковка – в ней чувствуется работа одного и того же мастера.

– Мастера? Скорее, стеномаза, рисующего лубки на базаре, – хмыкнула я.

Тут коляску тряхнуло на ледяном ухабе, и из клетки раздалось пискляво-хрипловатое ругательство. Узилище отбитой у Мыша пленницы перекошило, и дверь едва держалась на одной петле. Так что магической контур разорвался, и пришедшая в себя фея поносила окружающих на чём свет стоит. Смачно сплюнув на дно клетки, малявка наконец перевела взгляд на нас с Ремицем.

– Эй, напарничек, куцъ тебя рогом да через плечо по нежному месту, – пропищала она, раздражённо тарашась на Габриэля. – Ты бы вынул меня отсюда, салага необстрелянный.

Я ошеломлённо переводила глаза с феи на алхимика. Судя по кислому лицу последнего, он знал бранящуюся малявку, но всё-таки стоило уточнить:

– Вы знакомы, панове?

– А то как же! – воскликнула фея.

– К несчастью, да, – скривился Ремиц. – Здравствуй, Фийона. Похоже, твоя часть задания с треском провалилась, иначе с чего бы тебе сидеть в клетке?

– Тю-у, – протянула она, – да типун тебе на телепун, верзила! Всё идёт по плану. Такую важную информацию узнала, что мать моя фея! А вот опоздание тебе ещё припомню, телепень длинноногий! Ты в город уж день назад прибыть должен... – малявка запнулась, видно, решив, что сболтнула лишнего, и резко сменила тему: – А вы, панночка, всё же довели бы дело до конца, – она вцепилась в дверцу клетки и красноречиво задёрнула её туда-сюда.

Всё ещё пребывая в лёгком изумлении, я нашарила в кармане маленький раскладной нож, тот самый, которым не так давно вспарывала на Бальтазаре штаны³. И, стараясь не поранить боевитую малявку, аккуратно подковырнула оставшуюся петлю. Клетка распахнулась, и фея выпорхнула на волю, приговаривая:

– Вот и хорошо, вот и славненько, сейчас разомнусь...

Она упёрлась ногами в сиденье и мелодично застрекотала крыльями, не взлетая. Потом медленно поднялась в воздух и, коряво отдав честь, насмешливо представилась:

– Сержант Фийона Медвянокрыльска. Ранее летучий отряд Серого трибунала, а нынче напарница этого верзилы. И за что пресветлые послали мне такое наказание, не знаешь, а, Ремиц?

Габриэль лишь картинно закатил глаза, всем своим видом показывая, что наказание за неведомые прегрешения послали как раз ему.

– А насчёт склянки панночка дело говорит, – прищурилась Фийона. – С ней всегда было что-то неладно, Габик. Пусть бы девчоночка посмотрела. А то ты своими холёными грабельками ничего не сделаешь, только отравушки смешивать и умеешь.

Габик... Я прыснула со смеху, наблюдая, как пунцовеет от злости красивое лицо Ремица. Вот и на вас нашлась управа, пан алхимик. Только то, что он, по словам феи, прибыл в город на день позже, чем следовало, меня насторожило. Куцъ знает отчего, но всё же. Стоит рассказать об этом странном разговоре Вильку. Мало ли... Чутью надо доверять.

Габ тем временем, воспользовавшись платком, вынул из чехла резную склянку с повреждённым рисунком и передал мне. Ого, необычная штука. На базаре такую не купишь. Ручная работа. Я, поддавшись любопытству, завертела стекляшку, касаясь исключительно платка. Трогать необычные символы руками не стоило. Просто так подобные узоры даже на подарочные пузырьки не наносят. Хм... Даже форма какая-то странная. Высотой чуть больше ладони. С толстым дном и резной стеклянной пробкой, плотно перекрывающей горлышко. Да и живописная вязь не нанесена на поверхность, а втравлена прямо в стекло, словно писали не красками, а кислотными алхимическими растворами. Интересно, всё-таки, как она работает... палец чуть не сполз с платка.

– Де Керси, остановитесь, с вашим кривым счастьем вы не только сами покалечитесь, но и меня покалечите, – поспешил перехватить мою руку Ремиц, в голос которого уже вернулись надменные нотки.

– Да-да, и Вильк вас за это заспиртует насмерть, – огрызнулась я. – Габ, вы что, действительно считаете меня дурой? – Пока заворачивала необычный пузырек в платок, наградила алхимика саркастическим взглядом.

Коляска притормозила, а потом и вовсе остановилась. Кучер, постучав в стенку экипажа, возвестил, что мы прибыли. Я вручила Ремицу клетку Фийоны и неуклюже вывалилась из

³ События романа «Тайны Кипеллена. Дело о запертых кошмарах»

тёплого нутра кареты в промозглую уличную сырь. Благо экипаж остановился точнёхонько напротив моей книжной лавки, и до натопленного зала было всего ничего – какая-то пара шагов. В ранних зимних сумерках уже разгорались тусклые фонари. Дождь, пока мы ехали, почти утих.

На ступеньках лавки с ноги на ногу переминалась Делька, прижимавшая к груди какой-то угловатый свёрток. Карета с гербом Мнишек стояла чуть поодаль. Вид у подруги был потерянный. Мне сразу это не понравилось. В воздухе отчётливо витал душок неприятностей. И отчего-то подумалось, что погром на Тролльем рынке и последующая тёплая встреча с Балтом – только начало очередной полосы препятствий в моей и без того не самой гладкой жизни.

– Де Керси, надеюсь, в родных стенах вас сторожить не нужно? – насмешливо осведомился Габ, высунувшись из окна в дверце экипажа.

– Не извольте беспокоиться, пан Ремиц, здесь за меня есть кому вступитья до возвращения пана капитана, – не осталась в долгу я, шагая навстречу Дельке и махая ей зажатым в руке платком со склянкой.

Габриэль скрылся внутри кареты, и до меня долетела какая-то невнятная возня, а после на улицу выпорхнула Фийона.

– Не бойсь, Габик, присмотрю за панночкой, пока ты свои проколы латать будешь, – пропищала она. – Только будь уверен: ещё один косяк – и напишу рапорт начальству.

Ремиц буркнул ей вслед что-то нелицеприятное, на что фея лишь хрипло и визгливо расхохоталась, спланировав мне на плечо.

Я мысленно застонала. Только Фийоны мне и не хватало.

Из записок Бальтазара Вилька, капитана Ночной Стражи

Когда Мнишек обещал мне море крови, я думал это фигура речи. Так обычно говорят о всяких пустяках, и море, на деле, чаще всего оказывается лужей или даже каплей. Настолько мизерной и незначительной, что полностью обесценивает предшествующую фразу. Делает её жалкой и даже смешной. Но только не в этот раз...

От одного взгляда на кабинет Редзяна, тонувший в багровых отсветах свечей, к горлу подкатывали рвотные позывы. От запаха смерти, вывернутых потрохов, запёкшейся крови и горелого мяса проняло бы даже забойщика со скотобойни. Под толстым слоем липкой жижи не было видно пола. Тёмные ошмётки свисали с кресел, дивана, письменного стола, настольной лампы, книжных шкафов и даже картин на стенах. Чёрные брызги замарали изящную лепнину на потолке и огромную хрустальную люстру.

Мнишек приложил к носу надушенный платок и пробормотал из-под него:

– Всё самое ценное хранилось в тайнике. У него там нить... с душедеркой, зелье безобидное, но любопытных отваживает на раз. Но что-то пошло не так... И получилось вот это... Какая-то непонятная реакция... То ли они нагрели тайник? Или водой? Даже представить не мог...

Я о такой дряни даже не слышал.

– Как оно... что с...

– Когда соста... соединяется с возду... хом, воплощается подобие призрака... жутковатая тварь...

Не сговариваясь мы отступили в коридор и наконец начали дышать.

– Вы с ума сошли? – еле выговорил я. – Хранить такую дрянь дома. А если бы туда случайно влезла ваша дочь?

Редзян нахмурился.

– Тварь получается совершенно бесплотная и вреда причинить не в состоянии. Но чтобы никто в обмороки не падал, кабинет всегда заперт на ключ. Туда даже служанки в моё отсутствие не ходят. Строго запрещено!

– Где вы вообще это достали?

Мнишек пожал плечами.

– Говорю же, обычное охранное зелье. На Трольем рынке на каждом втором прилавке взять можно.

Я едва сдержался, чтобы не зашипеть. На сегодня проклятых подземелий уже предостаточно. Руки чесались арестовать этого хлыща, чтобы думал в следующий раз, какие склянки тащить в свой дом, но кто же мне позволит. Голова за Редзяна горой. Уж слишком хорошие налоги поступают в казну от его верфей и прочих прибыльных предприятий.

– Отойдите, – буркнул я, махнув рукой, и полез в карман за пробирками.

Несмотря на перстень, защищающий меня от дара припоя, всё равно постоянно таскал их с собой. Привычка не только заняла особое место в моём кармане, но и въелась под кожу. Стоило взять пробирку в руку, и во рту из ниоткуда появлялся мерзкий привкус дистиллята. Как же я его ненавижу! Эта безвкусная дрянь до сих пор плескается в моих снах и выступает испариной на горячем лбу. Её невозможно оставить в прошлом, по крайней мере, у меня так и не получилось.

Задержав дыхание, я просунул в кабинет руку ровно настолько, чтобы дотянуться до ближайшего тёмного сгустка на полу. Прислонил пробирку, быстро мазнув краем, и сразу же выбрался в коридор. По стеклу поплыли алые разводы, немедленно окрасив дистиллят розовым. Оттенок припоя менялся на глазах и слишком быстро темнел. Такого ещё не бывало. Мне

даже захотелось отказаться вливать эту дрянь в рот, а тем более пропускать через себя, но тут из-за плеча высунулся Мнишек.

– Выглядит отвратительно, – озвучил он мои мысли.

Моя спина сама выпрямилась, словно рессора телеги, с которой выгрузили пузатые пивные бочки.

– Вот именно. Как считаешь, стоит твоя реликвия того?

Я невольно взмахнул пробиркой, и жижа внутри совершенно почернела.

Редзян поджал губы и мотнул головой.

– Понимаю, – устало выговорил он, – что прошу огромного одолжения. Помню, что с тобой творилось в прошлый раз на корабле. Но эта, как ты выразился, реликвия не только дорога мне как память. Книга опасна. В неумелых руках она может натворить столько бед...

Его даже передёрнуло.

– Она перевернула мою жизнь.

Опять книга. Сам не понял, произнёс это вслух или прорычал мысленно. Ещё не хватало, чтобы редзянова реликвия попала к Алане. По спине пробежал предательский холодок.

Я отошёл к стулу, стоящему у стены, и сел. Сразу же махнул рукой, чтобы Мнишек даже не думал подходить. Медленно снял перстень и убрал в нагрудный карман жилета. Как там бишь моё правило? Попробуй тут подумай о хорошем и найди что-то светлое. Подавив трагический вздох, перехватил пробирку за горлышко и поднёс к губам. Проклятье, как же не хочется снова погружаться в чьё-то жуткое предсмертие. Втайне надеялся, что это никогда больше не повторится. Тёмная мерзость прокатилась по языку и обрушилась в горло. От солёной горечи свело скулы, но самое страшное ждало впереди.

Я даже не сразу понял, что вижу редзяново поместье не своими глазами. Казалось, ничего не изменилось, только вместо Мнишека почти на том же самом месте стоял другой человек, облепленный длинным, будто бы мокрым плащом с капюшоном, стянутым бечёвкой под самыми глазами. Они блестели в темноте, и в этом блеске чувствовалось нетерпение.

– Должна быть тут, – сипло протянул он, тыча пальцем в закрытую дверь кабинета.

Тот, кем стал я, мотнул головой в ответ и подошёл ближе, пальцы в перчатках забрякали набором отмычек. В замочной скважине что-то хрустнуло, потом щёлкнуло.

– Не лезь вперёд батьки, махалёнок!

Меня, а точнее, того самого махалёнка грубо отпихнули в сторону. Я... он отшатнулся, переступил с ноги на ногу, но устоял. Дверь распахнулась от пинка ноги, и в кабинет кипелленского богатея заскочили двое: укутанный в мокрый плащ и почти такой же, только покореженнее, второй. Они деловито пробежали вдоль стен. Один влез под письменный стол, а второй зашуровал по полкам с книжками. Я подавил комок обиды, начавший разрастаться в горле, и пошёл следом. Тяжело быть на подхвате у маститых столичных воров, когда приехал из глухой деревушки на окраине Растии. Тем более, коли тебе постоянно напоминают, что ты всего лишь замена махрового медвежатника и номер твой девятый. Если бы бравый парень не сломал ногу на последнем подскоке, так бы и лазил до сих пор по амбарам в своей Верхней Мухосранке. Цени, что добрые дяди взяли тебя на серьёзное дело и не путайся под ногами, тогда, может, и нахватаешься воровских премудростей.

Поэтому лезть в дальнюю часть кабинета я не стал, хоть и понимал, что ценность, за которой нас отправили, хранится именно там. Помялся у входа, делая вид, что обыскиваю низкую тумбу с резным графином и стаканами. Постучал по стенам – якобы в поисках тайника. А сам всё смотрел, что творят столичные козыри. Грымза так старался, что чуть не перевернул хозяйский стол. Искал спусковой механизм – все знают, что богатеи прячут их под своими столами. Но этот оказался хитрее, и заныкал где-то ещё. А вот Крыле повезло, сунула свои шустрые хваталки куда надо. Книжка толстая задвинулась внутрь шкафа, и в куске стены за картиной открылся тайник.

Я сделал шаг, чтобы разглядеть, что там внутри, но Грымза сразу заворчал:

– Пасть захлопни! – рявкнул он. – И не вздумай остальных позвать, пусть дальше по подвалам лазают.

Пришлось пожать плечами, чтобы он отстал.

Крыла поцокала языком, высматривая в темноте скрытые ловушки: говорят, проклятые богатеи способны на охранение своего золота поставить любую сволочь, хоть из самой бездны. Я осенил себя благодатью четырёх богинь. Пусть нам сегодня повезёт. Богатей не обеднеет, а моим батьке с мамкой новые рубахи не помешают, а может, даже корыто.

Крыла так долго возилась, что у меня слюни засохли, а Грымза начал орать шепотом:

– Чего ты возишься, лярвица, ща все сбегутся!

– Хлебало завали, без твоих соплей разберусь.

Она вытянула какую-то нитку и намотала на палец.

– Видал, образина? Ща бы гакнулись все куцю на елдын.

Грымза только зарычал в ответ, а Крыла отодвинула перегородку и плеснула в тайник из пузырька какое-то зелье. Подождав секунду, проворно сунула руку в тайник и выдернула книжицу в дорогущем переплете, я аж рот раскрыл от такого. Как тут...

...Пар брызнул над её головой, своим шипеньем перекрыв сдавленный рык Грымзы. У меня от визга из ушей кровь брызнула. Что-то жажнуло, и в кабинете стало светло как днём. Пар изогнулся корявой лапой и вонзил белёсые когти в голову Крылы. Она заголосила так, будто второй раз рождалась, швырнула мне свою добычу. Капюшон у вредной бабы слетел. Её башка начала раздуваться так, что повылезли волосы. Кожа на шее треснула, и во все стороны полилось все то, что было у неё внутри. Я попытался сдёрнуть в коридор, но ноги заплелись, а клоки пара уже крутились всюду и рвали на части всё, до чего могли дотянуться. Один вонзился в меня, и всё закипело. Пресветлые четверо, никогда не было так больно. Казалось, сам воздух обернулся кипящим паром, я из последних сил дернулся и вывалился в коридор, под ноги к прибежавшим на Крылины вопли напарникам...

Удар заставил сжаться.

Я что-то орал.

От второго удара на глазах выступили слёзы.

– Куць тебя подери, Бальтазар! Ты живой? Отвечай!

То, что на меня орёт Мнишек, не укладывалось в голове. Почему он зовёт меня этим странным именем? Да откуда он вообще обо мне узнал?

– Воды, – еле выдавил я, потихоньку начав соображать, кто такой.

– Напугал, – резко бросил Редзян. – Думал, ты того.

Он сунул мне в руку бокал, и я чуть не отпил, но вовремя вспомнил про перстень. Надо быть осторожнее, а то проклятие припомят загонит в такие дебри, из которых уже не выберешься. Нашупав карман на груди, достал заветный оберег и надел на палец. В голове стучала странная мысль: чего столичным ворами понадобилось в поместье Мнишека? Уж слишком далеко забрались они от Клёнека.

– Что ты там хранил?

– Немного золота, – он шмыгнул носом. – И книгу.

– Да какого дидька... – я подавился водой и откинулся на спинку стула. – Они брызнули в тайник какое-то зелье. Наверное, думали, что смогут себя обезопасить, но оно, видать, и вправду вступило в реакцию с твоим и... Всё, что соберёшь в тайнике, отправь в Школу Габриэлю Ремищу. Он проведёт анализ, и будет понятно, что произошло.

И рассказа Аланы Де Керси, хозяйки книжной лавки «У моста»

Притихший дождь снова начал усиливаться, и я поспешила запрыгнуть на крыльцо к Адели. Прижав дверь бедром, споро провернула ключ в скважине и втащила подругу внутрь. И так уже продрогла, устала, а ведь ещё придётся пережить бурную головомойку от моего бравого чародея. Вот где не было печали, мракобесы накачали...

Стоило нам переступить порог лавки, как навстречу хищным умертвием выпорхнул призрак бывшего хозяина.

– Ну как?! – Врочек, казалось, аж трясся от нетерпения. – Что нашла? Давай, не томи!

– Полпуда ничего и ещё немного сверху, – огрызнулась я. – Бизнес, бизнес... связи теряем.

Перекиривлять брюзжание призрака, которым он изводил меня последние две недели, было даже приятно.

– Да что стряслось-то? – заметно осадил мои попытки поворчать полупрозрачный пан Франц.

– Кукусильда, – сказала, словно выплюнула я, – змеюбри, феи, Вильк! И сто левков убытка! Чтоб вас с вашими связями и Тролльим рынком...

Договорить не получилось, ибо из-за стеллажей выбрался второй призрак. Анисия дымным вихрем подлетела к нам и накинулась на Врочека.

– Ах ты, старый злодей! Все-таки заставил малышку сунуться в это кодлице! Совсем уже мозги растерял, Францишек!

Когда речь только зашла о походе на Троллий рынок, Ася проявила внезапную солидарность с Вильком, совершенно не одоббив идей Франца.

– Да много ты понимаешь в книгопродавческих делах, – попытался отбиться от неё Врочек.

– Уж не меньше твоего! Алана только жить начинает, а ты её втравливаешь! У-у-у... Вот наклеузнчаю чародею, уж он тебя!..

– Жить ей в первую очередь надо на что-то, деньги из воздуха не заведутся, – буркнул Франц. – И вообще, кыш, покойница!

– Ой, а сам-то, сам...

Поняв, что перепалка грозит затянуться надолго, я потащила Адель вглубь лавки к своему столу. Из тени между стеллажами, перестукивая деревянными ножками-лапами, выбрался диван и тут же полез под руку, требуя, чтобы его почесали за подушками.

– Привет, Кусь, – пришлось похлопать образумленную мебель по фигурной спинке.

За полтора месяца диван не только окончательно прижился в лавке, но и обзавелся прозвищем за... правильно, за привычку разевать не по делу зубастую пасть.

– Дель, садись, я мигом, в сухое только переоденусь, а то не хватало ещё на Праздничную неделю утонуть в соплях.

– Да уж, – Делька тут же плюхнулась на бархатные подушки и принялась почесывать Куся. Диван басовито урчал.

Мне же оставалось заскочить в жилые покои, но первым делом стоило запихнуть в тайник отданный Ремицем пузырь. Нечего им размахивать, словно сигнальным флагом. На досуге посмотрю, что с этой штуковиной не так.

Не успела я натянуть сухие чулки и сменить отсыревшую обувь, как из лавки долетел громогласный рык дивана, визг Адели, грохот посыпавшихся на пол книг и дребезжащий вопль пана Франца: «Кто впустил эту мелкую сквернавицу в лавку?! Алана!!!»

Куць и все его отродье! Фийона! За свалившейся неразберихой совсем забыла про фею. Что там натворила дерзкая малявка, оставалось только гадать. На ходу шнуруя юбку, я поспешно выскочила в общий зал.

Картина оказалась поистине достойной запечатления. Делька ошеломлённо сидела на полу, потирая поясницу, а вокруг неё разлетелись исписанные убористым почерком желтова-

тые листки. Рядом валялась смятая упаковочная бумага. Диван, встав на дыбы, сотрясал передними лапами ближайший стеллаж, усыпая пол книгами, а с верхней полки на него рассерженной кошкой шипела Фийона. Стрекозиные крылышки феи посверкивали ядовито-зелеными искрами, такие же сполохи проскальзывали между малюсенькими пальчиками. Призраки бестолковыми молями кружили возле места катастрофы, тщетно пытаясь уgomонить разошедшуюся мебель.

– Кусь, место! – рявкнула я, одной рукой застегивая мелкие пуговики на расхристанной блузке, второй поддерживая спадающую юбку.

Диван нехотя отошел от стеллажа, когда мне удалось совладать с расползающейся одеждой и перестать напоминать неудачливую любовницу, застуканную ревнивой женушкой в момент милования с её благоверным.

Адель, стоя на коленях, собирала разлетевшуюся рукопись. Призраки скорбными тенями зависли в полуметре над полом. Кусь виновато переминался с лапы на лапу, всё ещё недовольно порывая в сторону феи. Та перестала сверкать ядовитыми огнями, но спускаться вниз не спешила.

Догадаться, что тут произошло, было нетрудно. Скорей всего, фее, уж не знаю зачем, приспичило колдовать. А диван, на дух не выносивший магов, взбесился. И если Вилька он признал за своего и внял моей просьбе не рвать больше капитанских штанов (а показывать свой норов перед посетителями Кусю запрещалось под страхом растопки), то на фее он оторвался по полной, не считая оную ни гостьей, ни посетительницей.

Фийона, заметив, что диван усмирён, рискнула спикировать вниз, кроя и меня, и мебель на чем свет стоит:

– ...и вообще, лицензия на эту чуду-юду скаженную у тебя есть?!

Лицензия, конечно, была, пусть и полученная в Школе задним числом при содействии моего старого учителя – магистра Никола. Но на её предъявление не хватило времени. Оскорблённый в лучших чувствах диван разъявил пасть на боку и звучно щелкнул зубищами.

Фея замолкла.

Фея исчезла.

Несколько секунд я недоумённо переглядывалась с Делькой и призраками, пока из недр дивана не донеслись приглушенные фейские вопли, обещающие нам золотуху с почесухой и чих с расстройством желудка.

Адель нервно хихикнула. Мне же оставалось только присесть напротив Куся и с тяжёлым вздохом начать увещевать неговорчивую мебель «выплюнуть каку». Диван оставался глух и нем, вдобавок несколько раз злорадно подпрыгнул, не иначе, как для острастки сидящей внутри добычи.

– Кусь, фу! – не выдержала я. – Плюнь! Куць тебя во все подушки! На дрова пуцу!

Угроза, обычно мгновенно умиряющая диван, в этот раз не возымела никакого действия.

Мебель продолжала упорствовать, периодически потряхивая «башкой». Фея отчаялась и затянула какую-то заунывную арестантскую песню. Выносить эту какофонию не было уже никаких сил, и я прибегла к запрещённому приёму – наклонилась к дивану и раздражённо прошипела:

– Верну Мышу на опыты!

Кусь набычился и попятился от меня задом, пихнул ещё один стеллаж и присел на лапах, когда на него полетели тяжёлые тома по начертательной магии. Фея внутри взвизгнула и затихла.

– Ну!

Я требовательно протянула руку к диваньей пасти. Тот помялся, переступил лапами, глухо постукивая о пол, и недовольно выплюнул добычу мне в ладонь. Не ожидая, что Фийона

окажется такой увесистой при росте в десять дюймов, я едва не уронила её и, только аккуратно усадив пострадавшую на стол, устроилась напротив.

– Фийона, вы в порядке, он вас не покалечил?

Меньше всего хотелось объяснять в Сером трибунале, почему их сержанта сожрала моя мебель.

Диван обиженно сопел за моей спиной.

Фея вяло покачала головой и хрипло пропищала:

– Шапра⁴ есть?

– Есть. Дель, в кабинете, в верхнем левом ящике стола фляга, принеси, а?

Адель, коротко кивнув, метнулась в кабинет. Врочек недовольно заворчал себе под призрачный нос, что грех переводить шапру на какую-то там фею – тем более, его шапру. На резонное замечание Анисии, что пойло призраку уже без надобности, Франц надулся ещё больше, и перепалка пошла по второму кругу. Устало отмахнувшись от них, я подозвала диван и пересела на него, здраво решив, что гораздо лучше пристроить свое брненное тело с комфортом, чем сидеть на корточках. Вернулась Делька с квадратной флягой тёмного стекла в руках.

Нацедив несколько капель в отвинченную крышку, я протянула её фее. По лавке мигом разнёсся аромат пряностей. Фийона, выхватив у меня импровизированную чашу, вылебала её в два счета, громко хлюпая.

– Хозяйка, по-овтори-ить, – пьяненько потребовала фея, сунув мне под нос опустевшую крышечку.

– А не развезёт? – очень сильно постаравшись превратить насмешку в сомнение, спросила ваша покорная слуга.

Ну не вязалась у меня эта нахальная малявка с грозным Серым трибуналом.

– Не-е, – заплетающимся языком пробормотала она, – л-лей, ик!

Пожав плечами, вновь сунула ей в ладошки наполненную крышечку. Едва дохлебав до половины, фея громко икнула, свела глазки в кучку, завалилась набок и тоненько, с присвистом захрапела. А остатки шапры заляпали стол.

– Говорила же ты ей, развезёт, – хихикнула Делька. – Откуда она вообще взялась?

– Это долгая история, – отмахнулась я, – расскажу как-нибудь. У тебя-то что случилось?

За всем приключившимся в лавке сыр-бором Адель слегка повеселела и не выглядела такой уж озабоченной, как на крыльце, но стоило вернуть её к насущным проблемам, как вновь помрачнела.

– Джульетта умерла, – хмуро сообщила Делька.

– Скворцонни? – зачем-то уточнила я, хотя и так было ясно. Иных общих знакомых по имени Джульетта у нас не было, но подруга все равно кивнула. – Как? Когда?

– Неделю назад. А узнали только сегодня, когда нарочный из Клёнека привез пакет от её душеприказчика. Мы с отцом едва с кладбища вернулись – у матушки сегодня годовщина, – напомнила Адель, видя мой недоумённый взгляд.

Я лишь кивнула, да, точно, Редзян, отец Адели, уже лет двадцать как безутешный вдовец.

– А тут только с нарочным переговорили, даже в дом толком не вошли, как мажордом на батеньку налетел с воплями «обокрали, убили, ограбили», – вздохнула Делька, – и ведь не в первый раз – неделю назад только горничную уволили, потому как рылась, где не следует. И это человек проверенный, иных в доме не держат. Ну, батенька лицом малость изменился, меня поспешно услал подальше. Я-то всё равно к тебе собиралась... А пакет от Джульетты на моё имя был, ну, его и забрала. Пока ехала, открыла, посмотрела. Там рукопись для тебя, так что заказ в силе, не переживай...

Ответный кивок получился слишком глупым. Какой заказ, какая рукопись, на Адели лица нет!

– Делька, а ну выкладывай всё! – потребовала я. – Что такого страшного было в том пакете, что ты сидишь, словно у тебя несварение?

Подруга секунду помешкала, а после дрожащими пальцами вынула из-за корсажа сложенный в несколько раз лист бумаги.

– Это письмо от Джульетты, – выдохнула она.

Я забрала послание и углубилась в россыпь маленьких округлых буковок.

Та-ак... Дорогая моя Адель... угу, взаимное эпистолярное лобызание в щёки, природа-погода, уведомление о том, что если сие достигло рук получателя, то отправительница померла. Дальше... О, Делька нынче ещё более завидная невеста, чем раньше... Ну никто не говорил, что пани Скворцонни бедна. Ага! А вот и обо мне пара слов. Рукопись, контракт, куда отправить по завершении работ... Я быстро пробежала глазами убористые строчки, но споткнулась на очередном абзаце и вытаращилась на письмо, словно на ядовитую гадюку. Что-о?!

– Ты из-за этого сидишь, будто пуганная мышь?

Повернув листок к Адели, указала на имя её матери в строке.

Подруга судорожно кивнула.

– А-алана, – запинаясь, выдавила она, – знаю, что мой отец не самый светлый и безобидный человек в Растии, да и с Джульеттой они не ладили, но её подозрения про маму...

– Да какие уж тут подозрения, она прямым текстом пишет, что он убил Агнешку, – скривилась я.

Вот уж точно, не было печали, мракобесы накачали.

– Ну, вот как ты думаешь, могло...

– Да никак не думаю, – прервала я подругу, – с твоим батенькой стараюсь не пересекаться, но ты-то его лучше знаешь.

– В том-то и дело, что знаю, – красивое лицо Адели застыло маской, у губ прорезались глубокие складки. – Поэтому хочу сама во всём разобраться! – выпалила она. – Джульетта, конечно, батеньку не жаловала, но и на пустом месте такого бы говорить не стала. А меня он после смерти маменьки так холил, лелеял, что чуть не молился!

Делька порывисто выхватила у из моих рук листок и, сложив, вернула за корсаж.

– Разве что у него напрямую спросишь, – в моём голосе прорезался здоровый скепсис. – Если что и было, так за столько лет быльём поросло.

– Нет! Маменькина комната заперта с момента похорон, если там порыться, то мало ли что всплывет! Лана, мне нужно знать! Поможешь мне или, может, ты Вилька попросишь разобраться?

– Э, нет, только не Балта, – хмыкнула я. – Он-то уж точно поставит твоего батеньку в известность о странных изысканиях его любимой доченьки, а меня сожрёт за пособничество в оных. Сами справимся. Что мы, глупее Ночной стражи, что ли? Да и в любом случае, наше знание при нас и останется.

Адель согласно кивнула в ответ.

Из записок Бальтазара Вилька, капитана Ночной стражи

В голове ещё шумело от предсмертных криков столичных воров. Алхимия – самая мерзкая человеческая выдумка, даже хуже магии. От одной мысли о липких разводах в кабинете Мнишека меня перекосило. Сделав несколько глубоких вдохов, я всё же нашел в себе силы спуститься с крыльца во двор и, поглощённый безрадостными мыслями, чуть не налетел на Марека.

– Пан Вильк! Ужас какое дело! Нужно спешить!

Парнишку за заслуги в прошлом деле и при моей рекомендации повысили до младшего дознавателя. Но мне всё чаще казалось, что ума в рыжей голове так и не прибавилось. Только сырой ветер между ушами и гуляет, развевая сиреневые рюши дородной полутролльки. После отъезда Люсинды этот оболтус неделю ходил пришибленный.

– Кипелленскому радетелю явился куц и потребовал отпустить грехи?

– Что? – Он так захлопал рыжими ресницами, что чуть не взлетел.

– Когда закончится этот день? – Я мученически закатил глаза. – Что стряслось?

– Пан Ремиц просит вас немедленно прибыть в Школу Высших Искусств.

Осталось только зажмуриться и садануть тростью по брусчатке Редзянова двора. Если Габриэль решил таким образом затащить меня на дружеские посиделки – прокляну! Самой чёрной-пречёрной магией. И совесть не замучит.

– Зачем? – еле выдавил я.

Марек наклонился ближе и прошептал:

– Парты ожили.

– Это же Школа Высших Искусств!

– Двери сами открываются и закрываются.

– Это же Школа Высших Искусств! – тупо повторил я.

Склоняясь к мысли, помимо Габриэля, проклясть и своего надоедливового подчинённого.

– Книжный шкаф наступил на ногу декану. Реторты с колбами сами зелья смешивали да плескали на адептов, а то и преподавателей. И теперь у некоторых уважаемых панов рога повзросли не хуже, чем у оленей в княжких угодьях. А кое у кого ещё и копыта с хвостами, чисто куцьи родичи! Мусорные вёдра расплёскивали помои прямо во время занятий. Про уборные и вовсе говорить неудобно. Даже женские потеряли всякий стыд.

Тяжело вздохнув, я полез в коляску, махнув рукой, чтобы Марек садился на козлы. Раз уж прибежал, пусть теперь везёт к Ремицу.

Мой рыжий подчинённый хлопнул вожжами, но рта не закрыл, продолжая пересказывать все школьные происшествия. Неужели Габриэль сам не в состоянии разобраться со взбесившейся мебелью? Студенты старших курсов и раньше устраивали подобные шалости. Зачем для этого тратить время капитана Ночной стражи? Которому ещё искать выживших столичных воров, умудрившихся упереть «бесценную» книгу Мнишека.

– А солонка летала над столами и сыпала учёных панов солью, будто они свежесловленная рыба. Рыбаки всегда сыпят её очень много, чтобы рыба не протухла. Мой дядя говорил, что это в разы дешевле магии, на которую не всегда можно положиться.

Прозрения Марекова дядьки меня мало волновали, в отличие от цели столичных воров. Судя по тому, что получилось увидеть, пришли они не за книгой. Её прихватили в качестве компенсации. Раз уж их наняли в самой столице, дело не в книге, пусть и способной, по словам Мнишека, натворить множество бед. Тут что-то другое. Вот только бы знать что?

– А половая тряпка путалась в ногах. Ладно бы у студентов. Так по её вине упала с лестницы целая делегация алхимиков, специально приехавшая в школу из Клёнека...

– Что? – переспросил я, поднявшись с холодного сиденья.

– Что? – не понял Марек. – Тряпка половая. Которой пол моют. Наверное, от старой мантии...

– Нарочно? – с трудом выговорил я.

– Тряпка? Да кто ж её разберет, нарочно она или по недомыслию...

Видно, лицо моё стало столь зверским, что Марек поспешил заткнуться. Жаль, ненадолго.

– Зря вы, пан Вильк, – обиженно надувшись, пробубнил он. – В книжках умных по нашему ремеслу пишут, что детали – это главное. Если вызнать, какой костюм пустили на тряпку, можно много узнать и о самом преступлении. Все взаимосвязанные причины и следствия...

И где только слов таких нахватался... Руки жутко засвербели от желания дать свежеспеченному дознавателю тростью по голове, однако пришлось сдержаться. Если в Ночной страже все начнут лупить друг друга, то уж с обычных горожан вообще спросу не будет.

– Что за делегация? – перебил я его разглагольствования.

– Того не знаю. Это мне привратник рассказал во время опроса. Он их хорошо рассмотрел. Грит, неказистые такие. В тёмных плащах с капюшонами. По виду никогда не скажешь, что делегация. Четверо мужиков, пацан и баба... то есть женщина. А с виду чисто нетопыриха. И язык у ней что срамной веник. Её старший всё время про какие-то крылья спрашивал. А она ругалась только...

По спине пробежали мурашки. Неужели наши грабители наведывались в Школу? Не бывает таких совпадений.

– Когда они были?

– Да вроде утром вчера. Больше не приходили. Хотя сегодня должны были опять. Так привратнику баба... женщина эта неприятная и сказала, мол, морду не вороти, если пана Мыша сегодня не будет, завтра опять придём. Мол, встреча у них там с паном Мышем условлена.

Я аж заёрзал на сиденье.

– А предметы образумленные когда появляться начали? Вместе с алхимиками или позже?

– Не-а, намного раньше. Если бы пан Габриэль крик не поднял, вас бы и беспокоить не стали. Но он там что-то нашел такое, – Марек шмыгнул носом. – Такое, не знаю, в общем, не сказал мне, повелел вас привезти. Сказал, что вы у пана Редзяна обретаетесь по делу. Я было возмутился, что Ночная стража не слуга на побегушках, так он знак Трибунала показал и выгнал. Он что, теперь в Трибунале служит, пан Вильк?

Я кивнул и откинулся на спинку. Всё произошедшее за день вдруг начало складываться в одну общую картинку. Пока разбитую на части, словно напольная мозаика, но явно долженствующую собраться воедино. Лжеалхимики зачем-то искали Мыша, не нашли и обещали вернуться сегодня. Может быть, хотели взять его с собой на дело? Или получить какие-то сведения. Но не смогли. Поэтому отправились к Мнишеку сами. Может быть, поэтому и не знали точно, что и где искать? Трое погибли. Остальные трое взяли книгу и сбежали. Алана в это время забралась на Троллий рынок и встретила Мыша там. Значит с лжеалхимиками он, скорее всего, ещё не пересёкся.

– Его надо срочно найти!

Марек вздрогнул от моего крика и обернулся.

– А что же его искать, пан Вильк. Он же вас ждёт. Сам же за вами слал.

– Мыша найти, – буркнул я. – А привратнику скажи, чтоб, как алхимиков увидит, немедленно восточку прислал. Надо задержать эту делегацию.

– Так точно!

– Вот именно.

Я снова привалился к спинке сиденья, но ничего путного в голову уже не лезло. Усталость давала о себе знать. Нога снова разболелась, а мысли спутались и завязались узлом. Срочно нужна была трубка, чтобы привести их в порядок. Но она лежала дома в верхнем ящике письменного стола. До которого в ближайшие несколько часов добраться не получится.

Мы влетели на мост, ведущий к Школе Высших Искусств, удары копыт по мостовой разлетелись на несколько кварталов. Нормальные люди в это время ужинают со своими семьями в своих уютных домах. И только капитан Ночной стражи мечется по городу, как чокнутая стрыга в поисках жертвы.

– Вот он! Вот он! – тыча пальцем в темноту ворот, закричал Марек.

– Потом его настропалишь, – отмахнулся я. – К Габриэлю давай!

Во внутреннем дворе школы оказалось неожиданно пусто. Ни шумных студентов-лоботрясов, которых оставили после занятий за провинности, ни припозднившихся преподавателей. Только порывы холодного ветра, гоняющие неприбранный мусор и жёлтые листья, случайно залетевшие в этот каменный колодец.

Я выпрыгнул из коляски, а Мареку махнул рукой в сторону ворот, отправив объясниться с привратником. Крикнул напоследок, чтоб послал Быря за штатным художником. Пусть хоть со слов зрителя ворот портреты этих «алхимиков» набросает. Пан Зденек такое может, хоть и не живописец. А уж если на воротах до сих пор дежурит старый пан Котек, так за точностью дело не станет.

Сзади раздалось: «Балт! Куда запропал?..». Но я лишь отмахнулся, не признав голос. Ещё одной неожиданной встречи сегодня мне не пережить. Кому надо, найдёт и в более спокойное время, а если не надо, то и разговаривать не о чем. Только время зря потеряю.

Из записок Аланы де Керси, хозяйки книжной лавки «У моста»

– То есть ты хочешь сказать, что твоя очумелая мебель едва не сожрала сержантку Серого трибунала? – Адель округлила глаза, отчего те стали похожи на два голубых озера на её лице.

Фея продолжала пьяно похрапывать на столе. Пожалев малявку, Делька переложила её на свою муфту. Так что Фийоне было грех жаловаться – трезвела она с комфортом. Каюсь, мы с Делькой тоже хлебнули из крышечки, чтобы хоть как-то успокоиться и постараться разложить свалившийся на нас сумбур по полочкам. И теперь по лавке плыл въедливый запах пряностей на хмелю.

– Да! – Я как раз балансировала на приставной лесенке, распахивая по верхним полкам отданные подругой книги.

Толстый том с медной застёжкой вывернулся из руки, ободрав мне пальцы. Куць забери эту начертательную магию и все талмуды по ней в придачу! Но куда больше меня тревожил Ремиц. Зачем-то же этот змей вернулся в Кипеллен! Боюсь, как бы он не втравил Балта в новые неприятности, да и меня заодно, уже начинаю жалеть, что вызвалась посмотреть странный пузырек.

– Вильку и так в последнее время работы хватает, а тут ещё фея с Трибуналом – это пробормотала уже вслух.

– Угу, – хмыкнула Делька. – Вы хоть целовались, кроме того раза на балу? А то от вас только и слышно «работа-работа-работа»... и шахматы, – ехидно закончила она.

Я неопределенно фыркнула. Ну да, шахматы... Когда помогала Балту разбирать бардак в кабинете, нашла коробку. И тут выяснилось, что пан капитан уже много лет страдает от отсутствия толкового партнера. Его закадычный дружок Ремиц, оказывается, играть не умел. Врочек – тоже. Зато умела я. Отец когда-то научил. Уборка была забыта: первая партия разыгрывалась прямо на полу посреди разбросанных бумаг и прочего мусора. И если поначалу Балт лишь иронично хмыкал в усы, то после объявленного ему шаха подобрался, и игра пошла всерьез.

Вернуться домой довелось только утром, радуя окружающих красными с недосыпу глазами, темными кругами под оными и абсолютно идиотской улыбкой. Перед рассветом мне таки удалось взять капитана измором, сведя партию вничью. Заглянувшая в лавку Адель изумилась моему «цветущему» виду, я сдуру брякнула, что ночевала у Вилька. А на многозначительное Делькино: «И?..» —с ещё большего дуру ответила: «Всю ночь в шахматы играли». По мне, так если с человеком хорошо, то почему бы и не просидеть с ним за шахматами ночь напролет? Но у Адели на сей счёт иное мнение. Насколько мне известно, у них с Румпелем роман крутился полным ходом...

Над входной дверью брякнул колокольчик, и Кусь восторженно поскакал навстречу вошедшему. Кроме меня и Румпеля эта образумленная зараза больше никого так не встречала...

А вот и тролль собственной персоной, легок на помине. Быстро он в Ривас и обратно сгонял.

Хозяин таверны «Под мостом» откинул капюшон изрядно промокшего плаща и встряхнулся, словно кот. Делька с радостным писком повисла у него на шее.

– Привет, – прогудел тролль, подхватывая Адель и кружась с нею по лавке.

– Плащ на деревья повесь!!! Книги намочишь! – замахала я руками и едва не загремела с лесенки. – Ай!

Второй рукой Румпель подхватил меня и ссадил на пол.

– Не трожь, у неё свой спаситель есть! – С наигранной ревностью Делька дернула тролля за выбившуюся из пучка прядь.

– Ну, пока он занят, могу и подсобить, – фыркнул Румпель. – Кстати, как бы его самого спасти не пришлось, – уже серьезно закончил он. – Алана, ты когда Балта в последний раз видела?

Слова тролля мне не понравились. В душе снова проклюнулся червячок тревоги. Мне слишком хорошо известно, какая у Вилька работа, а учитывая его дар припо...

– Днём, – ответила я, стараясь, чтобы голос не дрогнул. – Всё в порядке было. Свеж, бодр и сердит, обещал мне голову открутить... А-а что?

– А то, что полчаса назад его во дворе Школы сдывал. Я-то в город через Топлые ворота въехал, дай думаю, Мыша проведу. Он же до сих пор за погром в таверне не расплатился, с... скотина. Ну дык, напомнить хотел. А в Школе сам куц ногу сломит. Мракобесие какое-то творится. В предметы словно бес вселился. Меня мусорное ведро чуть за зад не цапнуло. Мыша так и не нашел, прячется где-то, г... грызун драный! Зато этого видел... хлыща-алхимика. Ну, который Балта лепший дружок...

– Ремиц?

– Во-во, Ремиц! Он же и Ночную стражу вызвал. А как те приехали, то рыжего хлопца, что за Вильком раньше таскался, куда-то отправил. За паном капитаном, видать. Потому как вернулись они уже вдвоем. Так вот, на Вильке лица не было. Синюшный, как утопленник, чуть не шатается. Я его окликнул, да он не расслышал. Похоже, опять своих припоев нахлебался. В прошлый раз его таким дурным видел, когда ты с ним чудовище на мосту гоняла. Шёл как на казнь, еле ногами перебирал, а рыжего куда-то отослал. Не к добру это...

«Паршиво, – отстраненно подумала я. – Если Балт действительно после тяжелого припо... а, скорей всего, так оно и есть, и Габ втравит его в какое-то затратное колдовство...» – шальная мысль не додумалась, потерявшись в бестолковом метании по лавке и поисках хотя бы шали. Нашла, закуталась и шагнула к двери.

– Лан, ты куда? – ошеломлённо цапнула меня за локоть Делька.

– В Школу!

– Пешком? В шали по дождю? Алана, не дури! Подожди меня!

Я нервно хихикнула. В этом вся Делька: чушь пороть – так только вместе.

– У меня коляска возле лавки стоит, забыла? – Адель поспешно накидывала на плечи теплую пелерину, подбитую мехом. – И фею не забудь! Отдашь пану Габриэлю его напарницу тепленькой, – саркастически закончила она.

Куць! Точно! Фея! Не оставлять же здесь эту жертву пьянства и диванного произвола.

Я осторожно подхватила муфту с Фийоной. Крылатый сержант Серого трибунала всхрюкнула и пробормотала что-то нелестное в наш адрес, но не проснулась.

Румпель, видя такое дело, уже стягивал развешанный на ветвях Ясеня плащ, под которым успела натечь изрядная лужа. Ничего, древес соберет.

Минуту спустя мы втроем вывалились под дождь и впихнулись в коляску. А кучер, получивший приказ «Гнать, что духу, до Школы!», подстегнул застоявшихся лошадей.

Из записок Бальтазара Вилька, капитана Ночной стражи

Фойе Школы Высших Искусств заливало багровое сияние, пробивавшееся сквозь световоды в потолке. Даже переливающиеся в воздухе крошечные пылинки окрасились закатным багрянцем и превратились в брызги крови. Поэтому почти скрывшийся за ними монумент основателя школы грандмастера магии Стевия Долгоносского расплывался, как вызванный против воли демон Полуночной бездны. Даже эбонитовый посох в его руках, который так любили натирать перед экзаменами студенты, в полутьме представлялся адским трезубцем. От такого удачи ждать, что милости от смертельных проклятий.

Я встряхнул головой, прогоняя нелепые мороки. Из пустынного фойе вели три лестницы: центральная – к церемониальному залу, левая – к учебным аудиториям и правая – к мастерским преподавателей. Но помимо этих широких парадных ступеней, в нишах и незаметных тупиках скрывались иные пути, способные доставить знающего человека куда надо.

Отметив ворох мусора, совершенно неуместный под малой экзаменационной доской с результатами успеваемости, я отдернул пыльную портьеру у большого окна во внутренний двор и протиснулся в узкий тёмный коридор с винтовой лестницей. Стоило быть осторожнее, чтобы не замарать камзол. Тут, кроме паутины и пыли, можно вляпаться и во что-нибудь более неприятное, особенно учитывая нынешний бардак. Взобравшись наверх, я настороженно прошёл по пустынной анфиладе: странно было не встретить ни одного студента или преподавателя. Преодолею ещё пару десятков ступеней, добрался до малой лаборатории алхимиков. Кабинет бывшего завкафедрой занимал самый большой флигель Кривой башни, до которого пришлось снова карабкаться по туго закрученной лестнице; но массивная дверь, обшитая чешуей скального дракона во избежание возгорания, была заперта. Правда, в замочной скважине торчала свернутая в трубку записка:

«Балт! Загляни в средний Синий зал для экспериментов».

Ещё сильнее захотелось отправиться домой. Чем больше таинственности нагонял мой добрый друг, тем меньше желания оставалось на прослушивание высокопарных витиеватых лекций о пресловутой гармонии света и тьмы. Я уж хотел спуститься вниз и незаметно уйти, когда натяжение воздушных потоков, отдающееся трепетом тонких энергий в дыхании стихий, заставило резко отскочить в сторону. В дверь, у которой только что стоял, ударились длинная деревянная указка, треснула и разлетелась роем щепок. На случай всяких мелких неприятностей у меня в рукаве была припрятана пара-тройка нейтрализующих заклинаний. Машинально вытянув подходящее, я бросил его в указку. Яркое полыхнуло лиловым, и остатки деревянных щепок посыпались на пол. Вслед за первой угрозой принесло вторую. Мокрая губка, оставшаяся после уборки, с чавканьем врезалась в стену у моей головы, отскочила, наткнулась на угол, и продолжая метаться, умчалась обратно в темноту коридора.

Приготовив новое заклятье так, чтобы слетало с пальцев по щелчку, я двинулся следом за ней. Габ оказался прав. Студентам такое не по плечу. Слишком уж напористо и своенравно действовали полуобразумленные вещи. В них словно не до конца вдохнули искру жизни, и они дурной нежитью бросались на всё, что видели. Либо маг плохо знаком с основами образумления, либо нарочно свёл с ума объекты ворожбы.

Скрежет заставил подобраться, но палить наугад я не стал, дождался, пока навстречу выползет медный алхимический котёл, и только тогда выпустил в него нейтрализующее заклятье. Посудина перестала шаркать по полу гнутыми ножками, застыв на месте, но из-под двери выскочил пыльный коврик и обернулся вокруг моей лодыжки. И, когда я израсходовал на него последние заготовленные чары, по закону подлости из темноты прилетела грязная тряпка и впечаталась прямо в лицо.

– Куц тебя раздери! – захрипел я, сдирая её с носа.

От перепрелого сырого духа подобрался чих. В носу засвербело и зачесалось. Хорошо ещё досталась тряпка, которой вытирали с доски, а не отмывали пол в уборной. Справившись с вонючей рваньё, добил её заклинанием, так что она вспыхнула синим огнём и осыпалась пеплом, и начал наговаривать новые чары про запас. В глазах на мгновение потемнело. После припоев лучше вообще не колдовать, слишком сильное напряжение энергий, но другого выхода не было. Главное, не переходить к энергозатратным чарам, а то потом неделю проваляюсь без сил. Использовать же стимуляторы лучше только в самом крайнем случае.

Справившись с заклятиями, я продолжил путь по тёмному коридору, ожидая новых атак полуобразумленных вещей. Но то ли их запас иссяк, то ли они отправились доставать кого-то другого, но до Синего зала больше не встречались.

Вход в мастерскую перегораживала перевёрнутая парта. Внутри кто-то сдавленно ругался. Я аккуратно заглянул в проём. Невозмутимый Габ сидел на перекладине лестницы, приставленной к шкафу, а перед ним, ругаясь, как портовый грузчик, расхаживал Зелёный Гном. Профессор травничества не только отличался малым ростом и коренастой фигурой, присущими подгорному племени, но и шевелюрой выразительного цвета. Долгие годы, проведенные за сбором всевозможных листиков и травинки, их сушкой, приготовлением и варкой, окрасили его волосы и бороду в легко узнаваемый малахитовый оттенок. Никогда не думал, что он умеет так выражаться. Даже когда околдованный повторяй-порошком летел вверх тор-машками со школьной башни, так не ругался.

– Разрешите войти? – не придумав ничего умнее, спросил я.

Зелёный Гном замер и уставился на меня подбитым глазом. Синяк расплзался по лицу и начинал соперничать своей синевой с изумрудными переливами волос.

– Вильк, – буркнул он, не удосужившись даже добавить вежливое обращение «пан».

– Вас-то мы и ожидаем, друг мой, – обрадовался Ремиц. – Как видите, мы в осаде. Правда, нам удалось установить, что обезумевшие вещи начали расплзаться именно отсюда.

Я перекинул ногу через парту и прыгнул внутрь зала. Оказалось, что дверь, которая должна была его запирать, валялась сбоку у стены, тускло поблескивая отлетевшими петлями и темнея следами подпалин.

– И кто же отвечает за эту мастерскую? – поправив камзол, уточнил я.

– Недоумок Конрад Мыш, – не своим голосом заорал профессор травничества.

Помимо фингала под глазом, его лицо украшал ожог на щеке, а от мокрых штанов расходился сомнительный оранжевый пар.

– Числится в школе аспирантом, подающим, гм, надежды...

– Ненадолго! – воинственно перебил Габриэля Зелёный Гном. – Этот недоносок будет у меня в аптеке числиться. Руки его кривые спином на узле завяжу...

– Вы хотели сказать, что... – попытался исправить Ремиц, но профессор травничества зашипел, как лесной кот, и Габу пришлось примирительно поднять руки, правда, улыбка с его губ так и не слетела.

– И в какую дыру забился этот Мыш? – переняв их манеру, спросил я.

Оба одновременно пожали плечами. Ремиц продолжил качать ногой, откинувшись на лестнице, а Зелёный гном – выхаживать мимо перевёрнутых реторт и разбитых пробирок.

Выходило, что искать аспиранта, успевшего изрядно достать почти всех, теперь моя непосредственная обязанность.

– А где остальные преподаватели? – на всякий случай поинтересовался я. – И студенты?

Подмога с полуобразумленными вещами очень не помешала бы. Не стоило сильно перенапрягаться после припоя. Алана узнает, бурчать будет, да и дел миллион, на Школе Высших Искусств свет клином не сошёлся. Да и если они до сих пор не разобрались в причинах творящегося сумасшествия, сам я вряд ли смогу что-то сделать. В крайнем случае, придётся послать

кого-нибудь за моей живопиской. Договорилась же она как-то с тем полоумным диваном у себя в лавке...

Профессор травничества только заревел и, схватившись за бок, заковылял в угол, поэтому ответил Габриэль:

– Студентов снабдили стопорным заклятьем от ополоумевшего хлама и распустили до завтра по домам. А преподаватели сначала дружно переливали из пустого в порожнее, пытаясь хоть что-то сделать. Вроде придумали решение, жутко колдунственное, и решили с утра опробовать, а потом скопом отправились в «Старого пирата» пьянствовать – новый глава боевой кафедры проставляется. Здесь ни одной живой души, кроме привратника, меня, тебя и нашего непьющего язвенника-профессора.

– Школьный бардак неистребим. – Я едва подавил злорадный смешок и решил побыстрее перевести тему.

– Есть просьба. У Мнишека дикий погром из-за смешения двух зелий. Душедёрку он поставил в качестве охраны от воров...

– Скорее, чтобы напугать, – поправил Ремиц.

– Их так напугало, что клочки по стенам висят.

Но на мои резкие слова он лишь соорудил недоверчивую мину:

– А второе какое?

– Вот это тебе и надо определить. Какое, откуда, а главное – почему так бабахнуло.

Из рассказа Аланы де Керси, хозяйки книжной лавки «У моста»

Дождь за стенками кареты шумел не переставая. Вообще-то звук льющейся с неба воды мне нравился, но не сегодня. Было в нем что-то дрянное, мерзкое, как скребущиеся по углам мыши. Тревожный шелест, нехороший, раздражающий. Я скукожилась на сиденье между Румпелем и стенкой кареты, зябко кутаясь в шаль, и то и дело передергивала плечами. После очередного тычка в бок тролль не выдержал, стянул плащ и набросил мне на плечи. Делька бесцеремонно вытряхнула фею себе на колени и заставила меня сунуть руки в освободившуюся муфту. А после и вовсе скомандовала мне сесть между ней и Румпелем. Втиснувшись к ним, я почти сразу согрелась и перестала зябко вздрагивать и шмыгать носом.

Фийона, лишенная теплой лежанки, что-то матерно пробормотала сквозь сон. Но Румпель сунул её в широченный карман своего рабочего жилета, и та вновь притихла.

– Дель, скажи кучеру, пусть высадит нас на Малой Багетной, – сипло попросила я, хлопнув носом.

Куцья приморская зима!!! В носу море разлитое, в горле стая морских ежей на нересте, в костях ломота, в голове пустота. Пошарив по карманам юбки, выудила изрядно помятый лоскут, некогда бывший красивым батистовым платочком, и, наплевав на приличия (а перед кем тут чиниться?), высморкалась и пояснила:

– У главных школьных ворот наверняка околачиваются стражники, вряд ли они нас пропустят. Зайдем со стороны живописного корпуса.

Насколько мне помнилось, часть мастерских имела выход на Малую Багетную улицу, вряд ли за последние три года что-то изменилось. Там бурно торговали дешевыми холстами, кистями, готовыми подрамниками, дрянным вонючим грунтом из рыбьего клея, жареными пирожками, тошнотворной кавой⁵ на вынос и прочей околехудожественной ерундой, столь нужной всякому уважающему себя студенту-художнику.

– Ты думаешь, пан Краска все ещё оставляет ключи за дверным косяком? – насмешливо хмыкнула Делька.

– Думаю, оставляет, – я иронично скривила губы. – Старый цверг всегда был охоч до наживы.

– Да уж, – фыркнула подруга, небось вспомнив, как мы на последнем курсе торговались с мелкорослым сквалыжником за ночь в мастерской перед выпускным просмотром.

Как водится, нам не хватало аккурат одной ночи, чтобы все дописать. Сошлись на пяти золотых, из которых наскребли только два, под остальные три приспособили пуговицы подходящей формы и толщины, на которые я нанесла узор с иллюзией золотых монет.

Говорят, старого скрягу выкинули из корчмы, когда он сунул за пиво такую «деньгу». Ну да нам-то что, с выпускников взятки гладки, а пожаловаться он все равно не мог. За мздоимство из Школы вылететь – раз плюнуть: оставаться в мастерских на ночь строжайше запрещено. Точнее, стало запрещено после того, как группа студентов-художников, запершись там в ночь перед просмотром, вместо бдения у мольбертов вызвала демона, чтобы тот дописал за них работы....

Магистр Никол после рассказывал, что серию из восьми полотен «Святые угодники, совестящие блудницу» спешно выкупил главный кипелленский храм Четырех пресветлых. Уж больно реалистично они её... хм, совестили. На каждом полотне по-разному.

⁵ Аналог кофе

...А с демоном якобы рассчитались честь по чести, без всяких хитростей, отдав ему добросовестно заработанные восемь левков. Которые он потом, вроде как, с ними же в корчме и пропил. Естественно, в честь окончания сессии.

Карета притормозила, и внезапный рывок вытряхнул меня из теплых воспоминаний в сырую промозглую реальность. Покряхтывая, как ревматичная старуха, я вывалилась наружу вслед за Аделью, по закону подлости влетев обеими ногами в скрытую снежной кашей лужу. Та сыто хлопнула и мигом ринулась обживать мои ботильоны. Ругаясь грязней, чем Вильк, севший на палитру со свежесдавленными красками, пришлось скакать по тротуару, чтобы избавиться от набившейся в обувь мешанины из снега, воды и грязи.

Над ухом неосмотрительно гыгыкнул Румпель.

Ох, будь я боевым магом, остались бы от него только обугленные ботинки, а так получил лишь испепеляющий взгляд. Делька принялась отсчитывать нужное крыльцо. К счастью, фонарь над ним сегодня горел (погашенный означал бы, что мастерская занята). Нашарив заветный ключ, подруга открыла двери и махнула нам рукой, чтобы прекращали паясничать и шли скорей внутрь.

В мастерской привычно пахло лаком, масляными красками и льняным маслом, но пуще того – скипидаром. Пан Краска был неумолим, свято веря в великую художественную силу кузьего скипидарного масла, и продолжал издеваться над вверенными ему студентами, требуя разбавлять краски только им. Потыкавшись в потемках и, кажется, пару раз задев непросохшие работы, мы нашли дверь в коридор и выбрались прочь из наскипидаренного царства.

Где искать Вилька, я представляла смутно. Если его вызвал Ремиц, то есть вероятность застать обоих в Кривой башне. А это на другом конце Школы, через алхимическое крыло. К тому же, помня рассказ Румпеля, передвигаться по темным коридорам надо с оглядкой, а ну как и на наши с Делькой тылы какое-то ведро покуется. Тревога пошла на убыль, и в голове все больше зудела мысль, что я сделала феерическую глупость, приехав сюда. Ну чем мне помочь опытному боевому магу? Спасти его от грозных Школьных мышей? От хищных полумойных тряпок?

Ладно, когда найдем его, близко подходить не будем. Просто издали посмотрю, все ли с ним в порядке, и тихонько ретируюсь домой, ждать заслуженной головомойки и...

А-А-А-А-А-А-А-А-А-А-А-А-А-А!

Я так и не поняла, кто из нас заорал первой: ваша покорная слуга или её храбрая подруга. Потому что налетели мы на ЭТО одновременно. Несуразный сторбленный ворох тряпья полз по коридору, то и дело стуча по стене рукоятью швабры, оставляя за собой влажный улиточный след. Где-то в глубине этого мерзкого ужаса побрякивало ведро и доносился невнятный сердитый бубнёж. Казалось, эта штука вбирает в себя всю окрестную темноту, становясь всё кострубатей⁶ и больше. Столкнувшись с нами, она и вовсе встала на дыбы, распахнув обтрепанные полы и басовито заорав в ответ. Отшвырнула меня на пол, вывернув на голову ведро грязной воды, и, подвывая, неуклюжими скачками унеслась вглубь крыла алхимиков, через которое мы как раз шли. С того же конца коридора, куда ускакало чудовище, раздались спешные неровные шаги, едва не переходящие в бег.

– Эй! Мракобесы? Брысь в бездну, именем Ночной стражи, – донёсся из темноты знакомый хриловатый баритон, и коридор озарился тусклым светом лилового светляка. – Что тут происходит?

– Вообще, мы тебя спасать шли, – буркнул тролль, поддерживая под локоть испуганную до полуобморока Дельку. – Вон, она шла, – Румпель выразительно кивнул на меня, по-прежнему сидящую на полу.

Вильк оценил картину, как-то странно всхлипнул и заржал в полный голос.

⁶ Кострубатый (укр.) – косматый, шершавый, всклокоченный

– О-о...О-от кого? – сквозь смех выдавил он, ставя меня на ноги. Щелкнул пальцами, и меня окатило потоком горячего воздуха – от одежды и волос повалил пар.

Что? Я тут вся испереживалась за него, а он ржёт?! Ну, сейчас устрою ему тёмную! Гневная попытка вырваться успеха не принесла, пан капитан держал крепко.

– От злого ведра и плотоядной швабры?

На этот раз толкнула посильнее, и Балт с размаху сел на подоконник.

– А-алана... извини, я не над тобой... – выдавил он.

Не надо мной? Хм...

– Был в Синем зале, услышал крики, – всё ещё подхихикивая, соизволил объясниться этот несносный чародей, – вы... выскочил в коридор, а на меня у... уборщица несётся. Глаза выпучила, орёт, что мракобесы из Полночной бездны чуть её не сожрали... И откуда у старой карги столько прыти?.. Чуть с ног не сбила!

Уборщица? Так мы налетели на старуху-поломойку? Проникновенно всхлипнув, я уткнулась Балту в плечо, судорожно трясясь под его рукой.

– Алана? – И голос-то какой сразу встревоженный стал! – Ты чего, не со зла же...

– Ржу-у... – решив, что не стоит издеваться над капитаном, выдавила ваша покорная слуга, тщетно пытаясь загнать рвущийся наружу смех.

– Отчего-то не удивлен, – раздался у меня за спиной до мерзости знакомый голос. Вот принесло, как всегда, не ко времени. – Панна де Керси, вы уже закончили доводить моего друга Бальтазара до белого каления?

От дальнейшего путешествия к куцу в болото за срамными утками Габриэля уберег Вильк.

– Полноте, Габ, я и так подумывал отправить кого-нибудь из стражников за Аланой. Она единственный на моей памяти, после треклятого Мыша, человек, способный договориться с образумленным хламом.

Ремиц смерил меня очередным нелестным взглядом.

– Ну, так это... если мы тут не нужны, – тролль кивнул на прижавшуюся к нему Дельку, – так пойдем мы. Аланку с рук на руки сдал, теперь сами разбирайтесь, кто кого спасать соби-рался.

В довершение Румпель бесцеремонно вытащил из кармана растрёпанную фею и уложил её на подоконник.

Фийона на миг приоткрыла мутные глазки, буркнула что-то нелицеприятное и вновь отключилась. Габ уставился на неё со смесью недоумения и брезгливости.

Вильк машинально кивнул, а вслед добавил:

– Заскочу, когда смогу. Переговорим...

– А чего и не поговорить с хорошим человеком, – подмигнул тролль, спеша, впрочем, убраться подальше.

– Что вы сделали с сержантом, де Керси? – непонятым тоном осведомился Габриэль.

– Ничего такого, чего нельзя было бы исправить! – преувеличено бодро откликнулась я, стремясь втиснуться Балту за спину.

– Сержантом чего? – Вильк озадаченно переводил взгляд с феи на Ремица, определенно раздумывая, а не выпихнуть ли меня Габу на растерзание.

– Серого Трибунала, конечно, – алхимик мгновенно надулся от важности. – Сержант Медвянокрыльска, моя напарница...

– И вы спланировали её следить за мной, – адреналин после стычки с уборщицей схлынул, а в обуви, несмотря на организованную Вильком просушку, все ещё хлопало, поэтому раздражение начало прорываться снова. – А всё дальнейшее – инициатива исключительно пани Фийоны. Вот её и расспросите, когда она протрезвеет.

– Обязательно, – многозначительно произнес Габриэль, – Как только придёт в себя, выясню все обстоятельства. Балт, друг мой, раз твоя барышня действительно может нам чем-то помочь, вернемся к профессору Зелешу и закончим наконец этот чересчур длинный, напряженный день, – Ремиц подхватил фею и, брезгливо отставив руку с зажатой в ней напарницей, двинулся прочь по коридору.

– Вот же ж... Аспид! Тьфу! – буркнула я.

Балт смотрел в идеально прямую спину Ремица каким-то странным взглядом, задумчиво поглаживая бороду.

А выглядел мой капитан паршиво... С подоконника поднялся не сразу, будто боялся, что не удержится на ногах. Правда, от предложения опереться на мою руку отказался.

– Вообще-то это мне полагается тебя под ручку водить, – попытался отшутиться он.

На что я лишь иронично хмыкнула.

– Ты думаешь, он действительно к тебе соглядатая приставил? – негромко спросил Вильк, когда мы двинулись вслед за Габом.

– А зачем ещё отправлять со мной сержанта Трибунала? Вдобавок эта поганка решила что-то наколдовать в лавке, устроила тарарам. Ну, Кусь её и цапнул...

Балт, не понаслышке знакомый с дурным нравом неумного дивана, лишь фыркнул в усы.

– Это ведь та... с Трольевого рынка? – уточнил он.

– Да. Спасла на свою голову. Лучше б её Мыш на декокт пустил!

Вильк вздрогнул, до боли вцепившись в мою руку.

– Ай!

– А? – Он будто вынырнул из глубокого колодца. – Прости, не хотел. Как выберемся отсюда, расскажешь всё до мельчайших подробностей?

– Да, мой капитан, – шутовски козырнула я. – Головомойка отменяется?

– Посмотрим, – неопределенно хмыкнул он и умолк, помогая мне перебраться через парту, перегородившую дверной проём.

В Синем зале было относительно чисто. Ремиц о чем-то беседовал с коренастым зелено-бородым гномом. Видно, тем самым профессором Зелешем. Судя по знаку на мантии – травником. Я его не знала. У нас травоведение читалось постольку поскольку в курсе цветоведения, а позже – реставрации.

Гном был раздражен. Кажется, ему не терпелось покинуть наконец Школу и отправиться домой.

– А, Вильк, вот и вы! – буркнул он, заметив нас. – Панна?

– Де Керси, Алана, – коротко отрекомендовалась я.

– Студентка? – нехорошо скривился гном.

– Бывшая.

– Отчислили, что ли?

– Выпустилась, – травник начинал меня раздражать. – Балт, чем могу помочь? Давайте наконец-то закончим этот бардак и разъедемся по домам.

Я внезапно поняла, что жутко хочу есть, а ещё больше – сладкой кавы, можно даже той, с Малой Багетной, и жареный пирожок... В животе забурчало. Мужчины, хвала богиням, сделали вид, что не услышали.

– По-хорошему, следовало бы договориться с этой обезумленной кагалой...

– Сыграть на дудочке и увести в залив? Я не Святой Щусь, к сожалению. Но могу попробовать усыпить вещи, вплетя в узор любое заклинание забвения, какое предложишь.

– Упокоение нежити подойдет? – устало спросил Вильк. – Оно самое короткое, если что подлиннее, я сейчас не вспомню...

«Точнее, физически не потянешь», – додумала я.

Работать в связке со мной всё равно ему. Ни гном, ни проклятый Ремиц магией не владеют. А Фийона пьяна, как чип. Ладно, выкрутимся, не впервой. Лишь бы не скрутило, как тогда в моей комнате, когда полоумный Гжесь Ремиц пытался нас убить.

Деловито пошарив по карманам, я вытащила на свет божий кусочек мела, завернутого в промасленную бумагу. Ха, в закромах у художника, при должном старании, ещё и не то можно найти. Вот убей не помню, зачем пихнула мел в карман... а надо же, пригодился.

Присев на корточки, я принялась рисовать. Ничего сложного, обычный узор-усилитель, уж на нем-то точно не напортачу. Шершавый каменный пол охлаждал колени, юбке было уже все равно – она и так была безнадежно изгажена после мастерской пана Краски: на темном подоле красовалось ядовито-розовое пятно.

На глаз раскидав по секторам узора надиктованное Вильком заклинание, в конце запнулась с сигилами. В итоге плюнула и расставила по наитию.

– Давай, – кивнула Балту, – я вкладываюсь в узор, ты в заклинание. – Линии на полу начали наполняться силой, ладони привычно зазудели. – Давай, – у него на пальцах заплясали лиловые искорки, а сам чародей ещё больше побледнел, как тут....

– Гы-ык... Пастрнись, крсавичик, надорвёшься! – раздался над головой пьяненький писк.

– Нет! – только и успела вскрикнуть я, прекрасно зная, что бывает, если в слаженную связку двух магов вдруг врывается третий и бьет под руку.

Ослепительно полыхнуло, оглушительно грохнуло, раздался звучный деревянный треск...

...Сил у Вилька, кстати, хватило... Как раз на то, чтобы дёрнуть меня в сторону, впихнуть в закуток между книжными шкафами и прикрыть от летящих обломков и щепок.

Когда всё стихло, я опасливо приоткрыла один глаз, потом второй. Вроде жива... И Вильк, кажется, тоже. По крайней мере, стоит на своих двоих и ошалело трясет головой, стирая текущую по щеке кровь. Ремица снесло куда-то вглубь зала, изрядно подкоптив его спесивую рожу и подпортив идеальный костюм. Не будь так ошеломлена, позлорадствовала бы. Достопочтенного зеленого профессора взрывной волной зашвырнуло на самый верх приставной лестницы, где он и висел, зацепившись штанами за гвоздь. Гвоздь оказался прочнее и вскоре послышался звучный «брямсь». И только Фийона как ни в чем не бывало снова дрыхла... аккуратно посреди ямы в полу, ещё и похрапывала. Я выдохнула... Все-таки напутала с сигилами, ослабив узор. Что ж, мое разгильдяйство всех спасло. Будь все как надо, снесло бы этот зал целиком в Полночную бездну, и нас заодно.

– В порядке? – хрипло выдавил Балт

Я лишь судорожно кивнула.

– Толку от вашей помощи, де Керси!.. – злобно прошипел Ремиц, тщетно пытаясь оттереть сажу с лица.

– Габ, – предупреждающе одёрнул его Вильк. – Алана здесь ни при чем, если бы не вмешалась фея, все было бы нормально.

– Ну-ну, – алхимик прыгнул в оплавленную по краям яму, забрал свою горе-напарницу и, не произнеся больше ни слова, ушел.

– А что там с обезумленными, тьфу, образумленными вещами? – всё-таки подала голос я. Узор-то был, заклинание тоже... В принципе, должно хоть частично сработать.

– Судя по тому, что никакое очумелое ведро Габа в коридоре не сожрало, что-то у нас всё же вышло, – устало, но от этого не менее ехидно ответил Вильк.

– Сработало, – буркнул приковылявший к нам гном. – Вона в клетке табакерка у Мыша сидела, раньше на пальцы кидалась, а теперь ножками кверху лежит и не шевелится.

– Ох, ну наконец мы покинем этот дурдом, – обрадовался пан капитан и, подхватив меня под локоть, потащил прочь.

Однако, это оказался ещё не конец. На воротах, забившись под козырёк будки привратника, толпились рыжий Марек, сержант Бырь и хрупкий тщедушный мужичок неопределённого возраста с рукой в наспех сооружённом лубке. Судя по тому, как перекосилось лицо Балта, что-то здесь было не так.

– Пан Вильк, пан Вильк! – Марек выскочил под дождь. – На пана Зденека во дворе Школы книжица какая-то напала. Как вылетит из окна, да как тыпнет за руку, и кость переломала!

– Какая книжица? – запинаясь, выдал начавший снова закипать Вильк.

– Ну, полагаю, вот эта, – я со стоном наклонилась и выудила из лужи толстый гримуар по анатомии, валявшийся в воде разворотом вниз. Со страниц ручьем текла вода. Теперь сушить и смотреть, можно ли спасти книгу... – Скорей всего, сломать пану руку она успела как раз перед нашим заклинанием, иначе так просто он бы не отделался.

– Просто? Просто?! – Балт с паном Зденеком были единодушны в своем слаженном возмущённом вопле.

– Как я теперь работать буду? – простонал Зденек. – Вы ж с меня портретов хотите, срочных! А я недели две карандаш взять не смогу!

– Пан Зденек штатный художник Ночной стражи, – хмуро произнес Вильк, залезая под козырек и втягивая на ступеньки меня, видимо, решив, что нечего зря мокнуть.

– А много портретов надо? – тяжело вздохнув, спросила я.

– Три. Со слов привратника. Сумеешь?

– Отчего бы не суметь? Чай не начертательная магия. Если только до завтрашнего утра потерпит. А то сейчас нарисую только «точку, точку да два крючочка».

– Сойдёт и завтра. Думаю, до утра привратник ничего не забудет, – вздохнул капитан. – Марек, оставь в Школе несколько ребят потолковее до утра, и пусть немедля докладывают, чуть что! Сержант Бырь...

– До дома подвезти? – правильно истолковал он тоскливый взгляд Вилька в сторону коляски, притаившейся в арке ворот.

Мы с горем пополам забрались внутрь, и стражник выюкнул на спокойную усталую лошадку, тоже наверняка мечтавшую о тёплом сухом стойле и отборном овсе.

– Давай-ка у меня переночуешь, – вынес вердикт пан капитан, слушая, как звучно я сморкаюсь, ибо в носу уже не хлюпало, из него текло. – Пронька мигом тебя в порядок приведёт, наутро будешь молодцом.

– Боишься, что портреты не нарисую, – не смогла удержаться я от шпильки.

– Боюсь, – насмешливо согласился он и добавил уже серьезно: – что от простуды сляжешь, чудо лохматое...

Балт говорил что-то ещё, но меня все сильнее окутывал зыбкий сон.

Глава третья, в которой мы узнаем кое-что о волшебных портретах

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.